
ОЛЬГА БЕРЕЗОВСКАЯ
Дилогия
(НЕ)ЛЮБОВЬ
18+

Ольга Березовская

Диагноз: (не) любовь

«Автор»
2026

Березовская О.

Диагноз: (не) любовь / О. Березовская — «Автор», 2026

Он вытянул меня из омута отчаяния и страха. И стал моей первой любовью. Для окружающих мы были самой красивой парой на курсе – Ник и Ника. Но наша сказка оказалась мыльным пузырём, ведь он на меня поспорил. После окончания вуза я предпочла исчезнуть для него.Но десять лет спустя судьба сыграла с нами шутку. Ник – владелец клиники, в которой я работаю. Я не хочу, чтобы он узнал мой секрет. Но сохранить тайну будет очень сложно. Ведь я так и не определилась: люблю его до сих пор или ненавижу. Ясно одно: он – мой диагноз.

© Березовская О., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Пролог 5
1 7
2 14
3 17
4 21
5 25
6 31
7 40
Конец ознакомительного фрагмента. 42

Ольга Березовская
Диагноз: (не) любовь

Пролог

Утро добрым не бывает. Сегодняшнее так точно. «Машенька Рыщенкова, экстренная госпитализация, подозрение на декомпенсацию после прошлогодней операции», – голос дежурной медсестры в трубке звучал как приговор. Я уже бежала по длинному, пахнущему антисептиком коридору, сбрасывая с плеч халат, чтобы на ходу надеть чистый. Восемь лет в детской кардиологии – и привыкнуть к этому невозможно. К этим крошечным телам, пронизанным проводами, к глазам родителей, в которых застыл немой ужас. Я знала этот ужас на вкус. Он был горьким, как самый крепкий кофе, который я не успела выпить сегодня.

– Вероника Викторовна, – окликает меня медсестра. – Зайдите в ординаторскую. Там нового врача представляют.

– Некогда, Мила, – отмахиваюсь я и тороплюсь к пациентке.

Захожу в палату, а дальше всё уже почти на автомате. Осмотр, назначения и успокоить родителей. Последнее всегда самое трудное и очень нужное. Ведь детям, независимо от возраста, всегда передаётся эмоциональный фон родителей. Это я знаю на собственном опыте. И в каждом родителе вижу себя девять лет назад. Хотя мне повезло – кардиологический диагноз дочери не подтвердился.

Не успеваю выйти из палаты, как приходит сообщение от заведующей. Кофе с бутербродом, на которые я рассчитывала, откладывались на неопределённый срок. Желудок болезненно сжался – от голода или предчувствия, я не поняла.

– Юлия Валерьевна, доброе утро! Машу Рыщенкову осмотрела, – захожу в кабинет и начинаю докладывать о состоянии пациентки.

– Доброе! Подожди, Вера, – обрывает меня заведующая. – Знакомься, наш новый врач – Никита Андреевич Вольский. А это Вероника Викторовна Рамина, наш ведущий кардиолог.

Имя словно обухом ударило. Никита. Кровь отхлынула от лица, оставив в ушах звон. Мир сузился до точки. Я медленно, против воли, перевела взгляд с Юлии Валерьевны на человека, сидящего в кресле у окна. Он смотрел на меня. Пристально. Не отрываясь. Взгляд, который я не видела десять лет, но который снился предательски в самых сладких снах. Он изменился. Стал старше, резче, в уголках глаз залегли лучики морщин. Но глаза… Карие, пронзительные, гипнотизирующие. Они были точно такими же. Они видели меня насквозь тогда. И видели сейчас.

– Чего замерли? – удивляется заведующая. – Вера, ты как будто привидение увидела. Никита Андреевич будет курировать сложные случаи в смежных отделениях. И, надеюсь, возьмёт часть твоей нагрузки. Введи его, пожалуйста, в курс дел. Тебе же полегче будет

– Да, конечно, – на автомате отвечаю я и выхожу из кабинета, не оглядываясь.

Слышу за спиной низкий, знакомый до мурашек голос «Ника!» и лишь ускоряю шаг. В ординаторской устало опускаюсь на стул. Сердце колотится так, словно хочет вырваться из груди и убежать вместе со мной. А ведь рабочий день только начался.

Дверь открывается. Не быстро. Медленно, будто дает время подготовиться. Никита молча заходит и прикрывает дверь. Берёт стул и ставит его прямо напротив меня. Садится, не спуская с меня глаз. Тишина гудит в ушах. Он изучает меня, как редкий клинический случай. Я вижу, как его взгляд скользит по моим рукам, вцепившимся в спинку стула. По белому халату, по бейджу «В.В. Рамина».

– Здравствуй, Ника! – Никита гипнотизирует меня взглядом. – Неужели не узнала?

– Тут меня называют Верой, – игнорирую его вопрос.

Конечно, же узнала. Десять лет назад Ник стал моей спасительной соломинкой и первой любовью. Единственной любовью. А потом несколькими циничными фразами превратил мою жизнь в кошмар. Тогда сразу после окончания вуза я сбежала в столицу и построила новую жизнь. Железобетонную, непрошибаемую. И верила, что мы больше никогда не встретимся. Как же я жестоко ошибалась.

Вибрация телефона в кармане халата вырывает меня из лавины воспоминаний.

– Вер, привет! – тарахтит коллега из частной клиники «МедПро», где я подрабатываю. – Тут такие новости…

– Инна, давай позже, – я хочу прервать разговор, но не получается.

– Не могу – не могу! У нас новый владелец – Вольский Никита Андреевич. Может, знаешь его? – выпаливает Инна.

Телефон выскальзывает из непослушных пальцев и с глухим стуком падает на пол. Мне же звук кажется оглушительно громким. Вольский Никита Андреевич. Он – не просто коллега. Он – мой новый работодатель. Владелец клиники, в пятнадцати минутах ходьбы от моего дома. От нашего с дочкой дома. За что? Я так радовалась открытию этой частной клиники и подработке. А теперь…

Ледяная волна катится по телу. В клинике «МедПро» лежит моё личное дело. Со всеми анкетами, справками. Со строчкой «ближайшие родственники». Со свидетельством о рождении моей дочери. Мой секрет. Самый большой секрет моей жизни.

1

Я выхожу из здания универа и оглядываюсь по сторонам. С недавних пор боюсь одна ходить по улицам. Но сегодня моего личного кошмара на парах не было, поэтому можно немного расслабиться.

Личный кошмар – это мой одногруппник Эмин из какой-то восточной страны. Пять лет мы проучились вместе, и он меня даже не замечал. Но после каникул что-то изменилось. С сентября Эмин не даёт мне проходу. Почему-то он решил, что я должна стать его женой и после окончания университета уехать в его страну.

Когда Эмин в первый раз это заявил у меня отнялся дар речи. Чего? С какого перепугу он мне такое предлагает? Мы ведь даже особо и не общались с одногруппниками-иностранцами. Они были по сравнению с нами взрослыми дядями и тётями. Да они и сами особо не стремились общаться, разве что на парах иногда по учёбе что-то спрашивали. Поэтому когда Эмин подошёл и сказал: «Вероника, ты будешь моей женой!», я рассмеялась ему в лицо. Нет, обижать его даже в мыслях не было. Но предложение было настолько нелепым, что я не восприняла его всерьёз. И конкретно так обидела восточного мужчину. Именно мужчину, ведь Эмин был на восемь лет старше меня.

С того момента спокойная жизнь у меня закончилась. Эмин ходил за мной по пятам. Стоило мне зайти в студенческое кафе, как он встречал меня со стаканчиком кофе и моим любимым сэндвичем. Отказов Эмин не принимал. Дальше – больше. Курьеры знали наизусть наш с мамой адрес. И вместо приветствия у них уже была дежурная фраза «Возвращаете сразу или всё же посмотрите?». Подарки были нереально дорогие – экзотические фрукты, ювелирка, люксовая косметика и дорогущая одежда. Принять что-то значило бы дать согласие на брак.

От радости, что сегодня можно никого не опасаться, спешу к остановке. Забываю о тонкой ледяной корке на тротуаре и поскальзываюсь. Чья-то рука не даёт мне упасть. За спиной слышу ставший ненавистным акцент:

– Здравствуй, Вероника!

– Не здравствуй, – цежу сквозь зубы. – Эмин, я спешу.

– Куда? – Эмин крепче обнимает меня за талию и подталкивает к своей звероподобной машине. – Лекции закончились. Завтра на цикл уходим в больницу. Учиться не надо.

– У меня и кроме учёбы дела есть, – злюсь я и пытаюсь вырваться, но куда там.

– Никаких дел у тебя быть не может! – гаркает Эмин. – Ты едешь знакомиться с моими родителями!

От такой немыслимой наглости у меня не просто отнимается дар речи – перехватывает дыхание, будто лёгкие забывают, как работать. Весь мир сужается до его руки, тяжёлой и горячей, на моём запястье. Мои ноги, словно ватные, предательски подчиняются толчку, и я сваливаюсь на кожаную сиденью огромного внедорожника. Хлопок двери звучит как щелчок капкана. Бесшумно, с лёгким шипением, поднимается тонированная перегородка, отрезав водителя. Я роскошной ловушке. Прижимаюсь к холодному стеклу, пытаясь сделать хоть вдох, но воздух кажется густым и чужим. Он насквозь пропитан его парфюмом – тяжёлым, сладким, удушающим.

– Можешь не пытаться говорить, Ника. Твои глаза говорят за тебя. Они очень красивые, когда боятся, – Эмин тянется ко мне.

Я отшатываюсь. Расстегнувшаяся запонка на его рубашке больно царапает запястье и оставляет след. Эмин источает самодовольное спокойствие хищника, уже загнавшего добычу в угол. Он не сводит с меня пристального, восхищённого взгляда, словно рассматривает дорогую вещь, только что доставшуюся ему в собственность. От этого взгляда хочется провалиться сквозь сиденье.

– Куда…? – сиплый шёпот наконец вырывается из пересохшего горла.

– Тише-тише. Всё идёт по плану. Ты скоро всё поймёшь, – он тут же перебивает меня, мягко, почти ласково

Оказывается, это не импульсивное безумие. Это хладнокровный, продуманный похищение. Мозг лихорадочно соображает: кричать? В машине идеальная звукоизоляция. Выпрыгнуть на ходу? Так двери заблокированы. Сжимаю в кулаки так, что ногти впиваются в ладони. Боль, острая и реальная возвращает возможность здраво мыслить. Нельзя впадать в ступор. Надо думать. Но страх густым туманом застилает разум. Я смотрю в окно на мелькающие огни города и чувствую себя маленькой девочкой, потерявшейся в дремучем лесу. В голове крутится одна мысль, навязчивая и безумная: «Мама… Мама не знает, где я. Она будет звонить. А я не отвечу».

Машина плавно тормозит. Эмин выходит первым и открывает мне дверь с театральным изяществом. Протягивает руку, как кавалер даме, но я игнорирую её и неуклюже выбираюсь сама. Вижу куда он меня привёз. Передо мной возвышается дворец из стекла и света – один из тех легендарных ресторанов, о которых пишут в журналах и где нужно бронировать столик за полгода. Сквозь высокие витрины виднеются хрустальные люстры, белоснежные скатерти, силуэты официантов во фраках. И тут, сквозь ледяной ужас, пробивается первая искра надежды.

На мне поношенные джинсы, растянутая до бесформенности тёмно-синяя водолазка, старые спортивные кроссовки. Волосы, собранные в небрежный хвостик, без намёка на макияж бледное лицо. Я специально! Специально перестала следить за собой, ходила в самом невзрачном, что было в шкафу, превратилась в серую мышку, лишь бы он потерял ко мне интерес. Это был мой жалкий, отчаянный щит. Ликую внутренне. Это ликование горькое и злое. Идиот! Ты привёз меня сюда, в это храм лоска и пафоса, в таком виде? Охрана у входа, эти два невозмутимых исполина во фраках, даже не посмотрят в мою сторону. Меня вышвырнут отсюда, или, в крайнем случае, вызовут полицию за попытку проникновения. Я готова целовать асфальт под ногами – лишь бы меня не пустили внутрь, за эти зловещие двери, к его родителям.

Выпрямляю спину, глядя на Эмина с вызовом. Ну давай же, покажи им свою «невесту». Посмотрим, как ты будешь выкручиваться. На его лице ни тени сомнения. Только та же спокойная, всепоглощающая уверенность. Он мягко берёт меня под локоть, и его пальцы сжимаются, как тиски.

– Идём. Не заставляй ждать родителей, – произносит он тихо, и в его голосе звучит сталь.

Осознание остро пронзает. Его деньги, его связи, его наглое всесилие простираются так далеко, что никакой дресс-код, никакие правила этого мира для него не существуют. Он проведёт через эти двери кого угодно и в чём угодно. Потому что весь этот мирок лоска и условностей для него – простая декорация, которую он купил на сегодняшний вечер. Щит разлетается в прах. Ледяная волна паники накрывает меня с головой, когда его твёрдая рука ведёт меня к сияющему входу. Охранники уже почтительно склоняют головы и распахивают тяжёлые двери перед своим господином и его добычей.

– Эмин, я не буду знакомиться с твоими родителями, – голос ко мне наконец-то возвращается.

– Женщина, будешь, – шипит он в ответ и крепко сжимает мою руку.

Мы подходим к столику, за которым сидит колоритная пара. Мужчина и женщина в красивейших восточных нарядах смотрят на меня как на диковинную зверушку. Это и не удивительно. Платиновые блондинки с голубыми глазами в их краях нечасто встречаются.

– Отец, мама, – обращается к ним Эмин и отпускает мою руку. – Это Вероника, моя будущая жена.

– Никакая я не будущая жена! Ваш сын похитил меня, – неожиданно громко выкрикиваю я.

Понимаю, что меня никто не держит, бегу к выходу. Плевать, что на улице минус, что нет верхней одежды нет. Плевать на всё! Только бы вырваться отсюда. Слышу крик в спину: «Задержите её!». Охрана пытается преградить путь, но я очень кстати вспоминаю свои дворовые пацанские замашки. Доставалось тогда от мамы… Ставлю подножку одному охраннику. Он пошатывается, но всё же удерживается на ногах. Я пользуюсь моментом и выскальзываю на улице. Мчусь к первому попавшемуся такси. Водитель смотрит удивлённо, но с пониманием.

– Неудачное свидание? – сочувствует он. – Куда ехать-то?

– Неудачное сватовство, – горько усмехаюсь в ответ и называю адрес больницы мамы.

Дальше едем молча. С курткой, кошельком, телефоном и рюкзаком с конспектами можно попрощаться. Сбежала, и на том спасибо. Таксист провожает меня до приёмного покоя. От денег отказывается. Зачем-то ещё оправдывается перед мамой: «Уберите деньги! Я вашу девочку сюда привёл, чтоб с ней ещё чего не случилось».

Оказавшись в знакомой с детства ординаторской, меня прорывает. Рыдаю взахлёб и рассказываю маме о случившемся. Она лишь хмурится в ответ.

– Светлана Афанасьевна, вы в родзале нужны, – заглядывает акушерка.

– Никуш, попробуй поспать, – мама протягивает стакан и выходит из ординаторской.

Жидкость пахнет чем-то знакомым. Выпиваю её залпом. Я укутываюсь в плед и устраиваюсь на диване. Перебираю в памяти сколько же раз тут спала за двадцать с лишним лет. И проваливаюсь в сон.

Утром просыпаюсь в своей постели. Совершенно не помню как вчера с мамой домой вернулись. Точнее помню лишь обрывками. Как в машину садились и как по лестнице подымались, и всё. Вспоминаю вчерашний день, и настроение резко портится. Как в универ теперь идти? Мне сейчас страшно даже из квартиры одной выйти. Как вообще учиться дальше?

– Доброе утро, Никуша! – мама уже хлопочет на кухне. – Выспалась?

– Да, мам! – обнимаю её и пытаюсь стянуть цукат из блюдца.

– Ника, мы переезжаем, – как бы между делом сообщает мама, отодвигая блюдце подальше от меня.

– Чего? Мам, ты серьёзно? – от удивления я повышаю голос. – Какой переезд? У меня учёба. У тебя работа. Кто тебя отпустит? Одна я точно не поеду. И как быть с универом? Меня же за прогулы отчислят.

– Не кричи! – обрывает меня мама. – Ник, ты же не сможешь здесь доучиться нормально. Тебе и раньше этот «шейх» недоделанный проходу не давал, а вчера… Это же кошмар! Успокойся, доченька.

Договорить маме не даёт звонок в дверь. Так рано мы никого не ждём. Мама идёт открывать, а мне хочется реветь. Из-за маминого решения, из-за вчерашней выходки Эмина, из-за всего. Кого там всё-таки принесло?

– Никуша, выйди, пожалуйста! – зовёт мама.

При виде гостей хочется удрать в свою комнату и спрятаться с головой под одеяло. Только этой делегации нам не хватало! И откуда только адрес узнали?

– Вероника, ты вчера забыла! – Эмин протягивает мой рюкзак и куртку.

– Забыла? – меня накрывает по полной программе. – Это так называется? У вас так принято – без согласия запихивать невест в машину и везти непонятно куда?

– Девочка, тебя привезли знакомиться с родителями жениха в дорогой ресторан, – недовольно произносит отец Эмина.

– Я вашему сыну согласия не давала, – продолжаю истерить, хоть и понимаю, что надо остановиться. – Я нормально жить хочу, учиться! Кардиологом хочу стать! А не чьей-то красивой игрушкой.

– Зря ты так, девочка, – сквозь зубы цедит мать Эмина. – Мы же можем увезти тебя и без твоего согласия. И деньги, и связи у нас для этого имеются.

– Вон отсюда! – тихо и спокойно произносит моя мама. – Вы решили, что всесильные? Моя дочь будет жить так, как она хочет. А не так, как вам хочется.

Мамин тон так сильно контрастирует с нашими криками, что все на мгновенье замирают. Мама указывает незваным гостям на дверь. Они переглядываются и выходят. Обернувшись, отец Эмина презрительно бросает:

– Ты всё равно выйдешь замуж за моего сына! Это его выбор. Но хорошего отношения к себе не жди!

Мы закрываемся на все замки. Обнимаемся и долго стоим в прихожей. Я беззвучно рыдаю, а мама успокаивает и гладит меня по голове, как в детстве.

– Мамочка, как я могла так вляпаться? – тихо шепчу, уткнувшись ей в плечо. – Мне очень-очень страшно.

– Всё будет хорошо, Никуш! – уверенно отвечает мама. – Мы переедем. Ты закончишь университет и обязательно станешь кардиологом.

– Мам, они нас найдут, – не успокаиваюсь я. – У них связи, деньги.

– Не найдут, – отрезает мама. – Ника, собирай вещи для переезда. А я поеду формальности улаживать. Не вздумай раскисать! Мы со всем справимся!

***

Будильник вырывает меня из сна. Разлёживаться некогда. Был бы дома – ждал бы меня мамин завтрак. Но сейчас всё сам. Подхожу к календарю и закрашиваю вчерашнюю дату. Срок моей ссылки стал короче на один день. Два месяца уже прошло, остается перетерпеть чуть меньше восьми.

Вспоминаю судьбоносный разговор с отцом. Накануне я в очередной раз накосячил по полной. Подрался в ночном клубе, сел на адреналине за руль и попал в аварию. Хорошо хоть пострадала только моя тачка, и я головой о руль приложился. Никого покалечить не успел. А вернувшись домой, напился.

Пробуждение было похоже на попытку всплыть с дна колодца. Сначала – ледяной шок, пронзивший всё тело, заставивший сердце бешено колотиться где-то в горле. Я вскрикнул, дернулся и открыл глаза, ослепленный светом собственной люстры. Мокрый. Я лежал в луже. В собственной кровати. Голова раскалывалась на части, каждый пульс отдавался в висках тяжёлым, тупым молотом. Сквозь звон в ушах пробивался знакомый, ненавистный запах – смесь коньяка, дорогого табака и чего-то горького, химического: страх и адреналин вчерашней ночи.

– Никита, ты что творишь? – низкий сдавленный гром, который обрушился на меня был сродни потоку ледяной воды.

Над кроватью, как мрачный монумент, стоял отец. Андрей Ефимович Вольский. Светило нейрохирургии, человек, чьё мнение рушило карьеры и возносило на пьедесталы. Сейчас его лицо, обычно бесстрастное, как скальпель, было искажено немой яростью. Жилы на шее натянулись, губы плотно сжаты. В его глазах горел не гнев, а что-то худшее: леденящее, беспощадное разочарование.

Похмелье, эта свинцовая муть, исчезла мгновенно, смытая ледяным приливом чистого, животного страха.

– Как ты мог? – прогремел он, и каждое слово падало, как гиря.

За его спиной мелькнуло бледное, испуганное лицо мамы.

– Андрей, не нервничай так! Тебе вредно! – её голос, всегда такой мягкий, звенел истеричной ноткой. – И не кричи на мальчика. Ты же видишь, ему плохо!

Она сделала шаг вперёд, пытаясь встать между нами, как всегда. Ой, мама. Мамочка, родная. Вот это ты зря. Сейчас это было всё равно что плеснуть бензина в уже бушующее пламя.

Отец медленно, с чудовищным самообладанием, повернулся к ней. Его голос стал тихим, почти шёпотом, от которого по спине побежали мурашки:

– Татьяна, уйди ты отсюда. Ради всего святого. Уйди и прекрати защищать этого… нереально талантливого, фантастического раздолбая.

«Нереально талантливого»… Где-то в глубине, под грудой стыда и страха, шевельнулось уродливое, болезненное удовлетворение. Фразу о «раздолбае» я проигнорировал, отсек, как отсекают повреждённую ткань. Но первая часть – она зацепила. От него, от Вольского, такие слова были дороже любой похвалы от кого бы то ни было. Значит, во мне всё ещё что-то было. Значит, не всё потеряно.

Но мама не сдавалась. Её защита была слепой и отчаянной.

– Андрюш, мы сами виноваты! Поздний, младшенький, вот и разбаловали! -она смотрела на отца умоляюще, а потом на меня – с такой болью и любовью, что мне захотелось снова провалиться в небытие.

– И что, я должен ждать, пока наш младшенький нас до инфарктов своими выходками доведёт? Или до позорных заголовков в прессе? – отец фыркнул, и в этом звуке было столько едкой горечи, что воздух, казалось, пропитался ею.

– Сам доведёт – сам и вылечит!» – парировала мама, пытаясь шуткой снять напряжение. Её голос дрожал.

– Ему выучиться сначала надо! – отрезал отец, и слова повисли в воздухе, острые и окончательные.

Он смотрел на меня, и в его взгляде не было уже ничего, кроме холодного, клинического анализа неудачного эксперимента. Я лежал, пригвождённый к мокрой постели этим взглядом, слушая этот страшный, знакомый дуэт – гневный бас и визгливый, защищающийся сопрано. Они могли ругаться так бесконечно, это было их странное, извращённое искусство общения, которому мы с сёстрами так и не научились. Мы просто дрались или молча ненавидели. А они – вели диалог на грани войны, где каждое слово было и ударом, и щитом. Но виновником этого спектакля был я. И молчание становилось уже невыносимым. Собрав остатки воли, я поднялся на локтях. Мокрая простыня чавкнула. Голова закружилась.

– Пап, – мой голос прозвучал сипло и неестественно громко. – Скажи, пожалуйста, в чём я накосячил сегодня?

Он наклонился чуть ближе. Его глаза, серые и пронзительные, впились в меня.

– Ты. Напился. И забыл. Об операции, – отчеканил он, разделяя слова, будто вбивая гвозди.

Удар пришёлся точно в солнечное сплетение. Операция. Кардиологическая. Сложнейшая. Я вымаливал у него этот шанс полгода. Умолял договориться, чтобы меня пустили в операционную как наблюдателя. Это был мой билет в будущее, пробный шар. И я… я стёр это из памяти, как стирают пыль с полки. Вчерашний вечер вспыхнул в мозгу обрывками. Звонок от общего друга, пьяный лепет о том, что «Инна выходит замуж, представляешь?», затем яростная, беспощадная драка в ночном клубе с её женихом. Смазанное пятно дороги, удар, звон разбитого стекла, своя собственная тачка, смятая о фонарный столб, и затем – тёмная, горькая волна алкоголя дома, чтобы заглушить всё остальное.

– Позволь поинтересоваться, – отец перешёл в свой менторский, лекционный тон, от которого кровь стыла в жилах, – по какому поводу ты так надрался? Для врача, а тем более для хирурга, алкоголь допустим только по праздникам. И то в гомеопатических дозах.

– Узнал, что Инесса замуж выходит, – выдохнул я.

Правда. Голая, постыдная правда. Мама ахнула, прикрыв рот рукой. Отец лишь медленно, с отвращением, покачал головой. Инна. Год с лишним после расставания, а я всё ещё, как мальчишка, ломаю себя и всё вокруг из-за неё. Мне стало гадко от самого себя. Мама

потянулась ко мне, чтобы обнять, но я резко дёрнулся назад. Её прикосновение сейчас было бы невыносимым. Она заметила движение и её взгляд упал на мои руки.

– Ты подрался, – констатировала она тихо, увидев сбитые, окровавленные костяшки на правой руке.

– Да, – хрипло подтвердил я, глядя в стену. – Начистил рожу будущему Инкиному мужу. Хорошенько.

Воцарилась тишина. Отец долго смотрел на меня, и в его взгляде что-то окончательно переломилось. Гнев схлынул, осталась лишь бесконечная усталость.

– Знаешь, сын, – начал он, и его голос звучал приглушённо, почти устало. – Я терпел. Терпел твою бесконечную череду девушек после Инны. Этих кукол, которых ты таскал в дом, как трофеи. Терпел твои драки с этим… избранником Инессы, вытаскивал тебя из полицейских участков, платил штрафы, закрывал дела. Терпел твою разгульную жизнь, твоё наплевательское отношение ко всему, что не даётся тебе сразу и легко. Я верил, что за этим циничным фасадом прячется тот самый талант. Но моё терпение, Никита, лопнуло.

Он сделал паузу, давая каждому слову проникнуть в самое нутро.

– Может быть, ты и станешь когда-нибудь хорошим кардиохирургом. Если не сопьёшься. Если тебя не посадят. Но Инесса – прошлое. Патологическое, нездоровое прошлое. И чтобы ты это наконец понял и вырос, последний курс университета ты будешь доучиваться в другом городе, – закончил отец.

– Андрюш, ты чего?! – мама вскрикнула, её глаза округлились от ужаса. – Как в другом городе? Он же…

– Легко и просто, – перебил её отец, не отрывая взгляда от меня. – Перевод организую сегодня же. Жить будешь на съёмной квартире. Один. Без машины. Без твоих дружков. На карту я буду класть ровно столько, сколько сочту нужным для выживания, а не для твоих загулов. В твоих успехах в учёбе я не сомневаюсь. Умная башка – единственное, что тебе от нас досталось. А вот в твоём поведении…

Он шагнул вплотную к кровати. От него пахло антисептиком и старой, непоколебимой властью.

– Вот тебе условие, Никита. Сумеешь прожить этот год по-человечески – без скандалов, без пьянок, без драк, сдав все экзамены на «отлично» – будешь кардиохирургом. Я лично оформлю тебя в лучшую ординатуру. Сорвёшься хоть раз, начнёшь похабно себя вести – диплом получишь, но отправишься по распределению участковым терапевтом в самую глухую деревню, какую смогу найти. И моё имя тебе там не поможет. Решай. Сейчас.

Он развернулся и вышел. Дверь захлопнулась с таким звуком, будто в гробу захлопнули крышку. В комнате повисла тишина. Мама подошла, села на край мокрой кровати и осторожно погладила меня по мокрым волосам.

– Он отойдёт, – прошептала она, и в её голосе слышались слёзы. – Он просто в ярости. Успокоится, и всё отменит.

Я не ответил. Я смотрел на захлопнутую дверь и понимал, что никакого чуда не будет. Приговор был вынесен. И это был не крик в сердцах. Это был холодный, расчётливый приговор божества нейрохирургии своему горе-наследнику. Ссылка. Последний шанс. Или конец.

За воспоминаниями пропускаю момент, и кофе сбегает из турки. Довольствуюсь половиной чашки и бутербродом. В больнице что-то в обед перекушу. Сажусь в ладу гранта – стараниями мамы у меня есть машина. Опаздывать на цикл нельзя ни в коем случае. Отец, сам того не понимая, сделал фантастический подарок. Врачей здесь не хватало. Мы, студенты последних курсов, были на подхвате и получали реальный опыт. На въезде в больничный двор сигналю девушке в огромном пуховике. Потерянная какая-то. Остановилась и рассматривает что-то. Девушка испуганно отскакивает, и я проезжаю.

Мы сидим в аудитории в ожидании преподавателя. Он почему-то задерживается на пятнадцать минут. Раньше такого не было.

– Ну что, – шутит кто-то. – Ждём ещё пять минут и расходимся?

Дверь открывается. Наконец-то появляется наш преподаватель, и не один. За его спиной стоит невысокая голубоглазая блондинка.

– Знакомьтесь, это ваша одногруппница Вероника Рамина! – представляет он девушку.

2

Чувствую себя букашкой под микроскопом. Взгляды четырнадцати человек устремлены на меня. Нахожу свободный стул и усаживаюсь. Сбоку слышу шепоток: «Двое новеньких на шестом курсе… Интересно, откуда она и что забыла в нашем захолустье?» Вот как. Оказывается, кто-то до меня уже был такой же букашкой совсем недавно.

Забываю обо всём и настраиваюсь на учёбу. Я всё-таки надеюсь вернуться в интернатуру в свой родной город. А для этого мне нужны высокие баллы. Переключаю всё внимание на преподавателя. После короткого напоминания теории нам раздают истории болезни.

– Что скажете, Вероника Викторовна? – интересуется преподаватель.

– Этому пациенту место в кардиологии, а не в общей терапии, – выпаливаю я и тут же тушуюсь.

Это дома я была звездой группы и потока. Всегда на первых ролях и готова ответить. А здесь могу в лёгкую заработать клеймо выскочки. Хотя мне на это наплевать.

– Все правильно, – улыбается преподаватель и обращается к одногруппнику. – Никита Андреевич, а у вас конкурент в области кардиологии появился.

– Один правильный ответ – это ещё не показатель, – язвительно бросает хмурый темноволосый парень.

– Посмотрим! Здоровая конкуренция вам всем только на пользу пойдёт, – примирительно говорит преподаватель. – А теперь на обход, коллеги!

Ха! Смотрите, не показатель ему мой правильный ответ. Желание быть скромнее моментально куда-то испаряется. Весь обход мы с Никитой соревнуемся кто быстрее ответит. На вопрос: «Кто знает?» мы, словно первоклашки, отвечаем, перебивая друг друга.

В перерыве мы отправляемся в больничный буфет. Точнее, я иду следом за одногруппниками. Пока беру себе кофе, свободных столиков не остаётся.

– Вероника, иди к нам! – машет рукой девушка из моей группы.

– Спасибо, – благодарю я и расплываюсь в улыбке.

– Пожалуйста, – улыбается она. – Давай знакомиться. Я – Люба, это Влад и Вовка. Ты откуда к нам приехала?

– Из Питера, – отпиваю кофе и выдыхаю.

Впервые с момента решения о переезде меня отпускает. Всё нормально. Я раззнакомлюсь со всеми. И обязательно закончу университет. А потом и в ординатуру вернусь.

– А ты более разговорчивая, чем Ник, – отмечает Вовка. – Тот так и не признался откуда к нам перевёлся.

Так вот кто был первой подопытной букашкой. Могла бы и догадаться. Слишком он выделяется среди одногруппников. На нём будто выгравирована фраза из любимого маминого фильма «Вижу цель – не вижу препятствий»

– Вероника, как ты решила Питер на наше захолустье сменить? – интересуется Влад. – Замуж вышла за кого-то местного?

От упоминания о замужестве прям передернуло. Это не укрылось от Любы.

– Нам уже пора! – переводит она разговор.

– Всё нормально, – отмахиваюсь я. – Нет, я не замужем. Маме работу предложили, а я не захотела одна оставаться. Вот и перевелась. И для друзей я – Ника. Не очень люблю своё полное имя.

За первый день учёбы я узнаю много о своей новой группе. Все девушки, кроме Любы, уже замужем и с детьми, и старше нас на пару-тройку лет. Парни же – наши ровесники. И

Никита тоже. Странно, мне он показался постарше. Наверно, из-за его отстранённости от группы.

Всё замечательно. Но при мысли, что надо будет ехать одной домой, мне становилось дурно. Первые дни после выходки Эмина я боялась даже порог квартиры переступить. И сейчас каждый самостоятельный выход из дому – то ещё испытание. Визиты к психиатру не помогли. Сегодня утром мы приехали с мамой. Но она пошла в свой корпус, а я в свой на другом конце больничного городка. Первый ступор словила как только маму из виду потеряла, но быстро взяла себя в руки. Второй раз меня накрыло у шлагбаума на въезде. Не знаю, сколько простояла. Но в себя пришла лишь после сигнала машины. И вот сейчас снова на улицу выходить…

С Любой живём на разных концах города. К другим неудобно напрашиваться в попутчицы. В конце концов надо привыкать к обычной жизни. Не будет же меня мама за руку до конца универа водить. Медленно плетусь к выходу из больничного городка и слышу сзади звук тормозящей машины.

***

– Ну что, видели новенькую? – Влад присел с подносом, ухмыляясь. – Голубоглазая блондинка из Питера. Думаете, она из-за парня сбежала?

– Не знаю, Влад. И не интересно, – я вяло переворачиваю страницу конспекта, не отрываясь от текста.

– Да ладно тебе, – присоединяется к нам Вовка, с грохотом ставя чашку. – Она, между прочим, как и ты – спец в кардиологии. На обходе с тобой вон как потягалась.

– Один раз ответила. Этого мало, – отпиваю кофе, чувствуя, как его горечь совпадает с моим настроением.

Мне не нужны были эти сплетни. Мне нужны были баллы, экзамены и билет назад в нормальную жизнь. Вся эта история с «ссылкой» унизительна, и каждая её минута напоминает мне об этом.

– Мало? – фыркает Влад. – Она с ходу диагноз поставила. Препод аж заулыбался. Тебе, кстати, он что сказал потом? Про конкурента?

– Сказал, что конкуренция полезна. Рабочая атмосфера. Всё. Можно не раздувать, – закрываю конспект, с трудом сдерживая раздражение.

– А ты посмотри на неё, – Влад наклоняется через стол, понизив голос. – Весь обход она тебя исподтишка изучала. Как будто соперника сканировала. Упертая.

– Может, просто учиться хочет, как и мы все, – вступается за Вовка, всегда более уравновешенный.

– Из Питера в нашу дыру? Без причины? – Влад не унимается. – Да там таких универов… Нет, тут что-то нечисто. Или беременная, и скрывается, или от мужа сбежала. Видал, как её передернуло, когда я про замужество спросил?

– Влад, хватит. У неё своя жизнь, у меня – своя. Я здесь не для того, чтобы чужие биографии обсуждать. Мне нужно учиться и уехать отсюда, – резко отодвигаю стул.

Встаю, закидываю рюкзак на плечо и направляюсь к выходу. В голове невольно всплывает картинка: эта Ника с твёрдым взглядом, выпаливающая правильный диагноз с вызовом. Да, она знает своё дело. И да, она смотрела на меня не просто как на одногруппника. «Один правильный ответ – это ещё не показатель», – бросил я ей. И пожалел почти сразу. Зря. Не нужно было обращать на неё внимание.

Но где-то в глубине, под слоем апатии и злости, шевельнулось что-то похожее на азарт. Тусклый, почти мёртвый, но азарт. Первый раз за долгие месяцы. Кто-то, кто мог составить конкуренцию. Кто-то, на ком можно было проверить, не заржавел ли мозг окончательно.

Выезжаю с парковки, и снова впереди маячит та же девушка в коралловом пуховике, что и утром. Надеюсь, сейчас она порасторопнее будет. Нет, девушка существует в своей какой-то параллельной реальности и не замечает ничего вокруг. Торможу в нескольких шагах от неё.

Мало ли, вдруг ей помощь нужна. Клятву Гиппократа я ещё не давал, но мимо человека в беде я точно не пройду.

Девушка вздрагивает и оборачивается. Не верю своим глазам – это новая одногруппница Вероника. Открываю дверь, и она шарахается от меня в сторону, словно призрака увидела.

– Ника, всё нормально? Тебя подвезти? – спрашиваю я.

Она словно возвращается в реальность. Отрицательно машет головой и становится той Никой, что была на занятиях.

– Спасибо, но нам не по пути, – отказывается она.

– Откуда ты… – не успеваю спросить я.

К Нике спешит женщина, очень похожая на неё. Издалека она кричит:

– Ника, дочка, я тут, – женщина машет рукой Нике, и та спешит к матери, даже не попрощавшись со мной.

Странная она, эта Вероника Рамина. Ладно, меня сюда сослали в качестве воспитательной меры. А она-то как здесь оказалась на последнем курсе? Перевестись из одного меда в другой – тот ещё квест, и далеко не всем он доступен. Ладно, пора домой. Пообедать и работать. Если раньше я набирался реального опыта в удобном для меня режиме по просьбе отца или мамы, то сейчас у меня нет такой возможности. Вот и подрабатываю медбратом.

Вечером обнаруживаю, что из продуктов в доме есть только пара яиц и кусочек сыра. В принципе можно омлет с сыром сделать по быстрому, а потом уже сбегать в магазин за продуктами. Но оказывается сыр даже в омлет пускать опасно. Придётся идти в супермаркет на первом этаже. Ругаю себя, что не заказал доставку. Я ещё не привык к тому, что за быт отвечаю один. Надеяться не на кого. И только сейчас начинаю понимать какую гигантскую рутину ежедневно берёт на себя мама. А ведь она и на работе пашет как не в себя. Спускаюсь по лестнице и улыбаюсь, вспоминая её кулинарные послания. В первую неделю мама снимала весь процесс приготовления завтраков, обедов и ужинов. Без этих её видео я бы так и питался омлетами и кофе. После переезда выяснилось, что я даже кашу или макароны сварить в съедобном видео не способен. Это в двадцать-то с лишним лет… А сейчас я уже замахиваюсь на кулинарные изыски. Но сегодня на ужин будут пельмени. Набираю тележку до верха, чтоб до выходных даже не вспоминать о магазинах.

На кассе впереди маячит знакомый коралловый пуховик. А кто-то уверенно заявил: «Нам не по пути». Вероника не одна, а с мамой. Точно живут где-то рядом. Они достаточно далеко от меня. Значит, можно рассмотреть новую одногруппницу, не боясь быть замеченным. Объёмный пуховик скрывает её от любопытных взглядов, но я то помню какой миниатюрной и хрупкой Вероника предстала в момент знакомства. Она без шапки, платиновая коса слегка растрепалась. Интересно, свой цвет или красится? У её мамы такой же цвет волос. Да и вообще они очень похожи. Вероника повернулась полубоком и выкладывает покупки на ленту. На красивом лице с правильными чертами застыла та же отсутствующая маска, что и тогда на улице. А в голубых глазах плещутся отголоски тревоги. Вероника очень сильно напряжена. Она на автомате складывает покупки в пакет и они уходят.

После ужина сажусь за учебу. Открываю портал медицинской библиотеки, чтоб изучить новые журналы. Сосредоточиться не получается. Мысли то и дело возвращаются к новой одногруппнице. Почему бойкая девчонка-всезнайка за пределами больницы чуть ли не в ледяную статую превращается? Очень перепуганную статую. Какая же ты на самом деле, Вероника Рамина? И как тебя сюда занесло? Влад, конечно, болван и сплетник. Но в одном он прав: в нашу «дыру» просто так не приезжают.

3

В съёмной квартире я чувствую себя в безопасности. Остаток дня провела вместе с мамой в отделении. И это было правильно. Как добраться домой можно было бы разобраться по картам. А вот с моими непонятными приступами потерянности надо было что-то делать.

Из раздумий выводит звонок телефона.

– Привет, Ник! Как первый день в новой группе? Поразила всех своими знаниями? – подруга забрасывает меня вопросами.

– Привет, Анют! Лучше, чем думала, – отвечаю устало я. – Поразила, но не всех. Мне здесь есть с кем в знаниях по кардиологии соревноваться.

– Местный гений? – смеётся Аня.

– Нет. Тоже недавно здесь учится, – я перевожу разговор в другое русло. – Ань, что говорят в нашей группе?

– Ой говорят, ещё как говорят, – таинственно начинает Анна. – В общем, Эмин ходил в деканат, тебя искал. Ему ответили, что ты взяла академ и восстанавливаешься после сильной психологической травмы. Где – никто не знает. Наши поверили в это. Они «шейха недоделанного» ненавидят теперь. Бойкот ему объявили. Твоя мама – суперсила просто. Такое провернуть.

– Вот и чудесненько, – злорадствую я. – Анют, давай завтра поболтаем. Устала очень.

Прощаемся с подругой. Бреду на кухню помочь маме с ужином.

– Никуш, у меня идея! – мама нарезает картофель, а мне вручает капусту с морковью для салата.

– Какая? – мне любопытно, что же придумала мама.

– Ты ещё в себя не пришла. Боишься одна по улицам ходить. Давай санитаркой или медсестрой на четверть ставки в одно из отделений пойдешь. И вместе возвращаться будем, и опыта наберешься, – предлагает мама. – Хочешь?

– Конечно! – визжу от радости и бросаюсь обнимать маму, чуть не задев ножом. – Ты – гений! Это же идеально!

Мама смеётся, высвобождаясь из моих объятий, и продолжает строгать картошку ровными ломтиками.

– Ну, не гений, а просто логика. Сидеть одной в четырёх стенах – только больше накручивать себя. А так и практика, и деньги, пусть и небольшие. Я уже поговорила с заведующим, он не против взять студентку на подхват. Правда, с одним условием.

– С каким? – я настораживаюсь и продолжаю шинковать капусту.

– Только если ты действительно справишься. Без скидок на состояние. Если увижу, что тебе тяжело – сама всё прекращу. Договорились?

– Договорились, – киваю я твёрдо. – Спасибо, мам. Правда.

Чувствую, как внутри загорается маленький, но уверенный огонёк. План. Действие. Это уже не бегство, а движение вперёд.

– Не за что, дочка. Ну, рассказывай, как первый день? Всё-таки слышала я, как ты вечером взахлёб тараторила, но хочу подробностей.

Я откладываю нож, облокачиваюсь о столешницу и наконец позволяю себе выдохнуть. Весь день я держалась на предельном напряжении.

– Странно… Вроде и тяжело, и… интересно. Группа. Они все такие взрослые. У большинства семьи, дети. Чувствую себя девочкой-припевочкой, которая забрела не в своё отделение.

– Это тебе только кажется, – уверенно парирует мама. – У тебя за плечами шесть лет лучшего медвуза страны. Они это оценят.

– Оценили, – усмехаюсь я, вспоминая. – Особенно один. Никита Вольский. Новенький, как и я. Темноволосый, хмурый, смотрит на всех свысока. Но умный… чертовски умный. Мы сегодня на обходе устроили настоящее соревнование – кто быстрее ответит на вопросы преподавателя.

– И кто победил? – мама бросает на меня быстрый, оценивающий взгляд.

– Ничья, – смеюсь я, и это смех уже без горечи, а с азартом. – Но он первый начал. Сказал, что мой правильный ответ – не показатель. Вот заносчивый!

– А ты ему что?

– А я… просто ответила на следующий вопрос быстрее него. На полсекунды. Преподаватель сказал, что здоровая конкуренция полезна.

– Здоровье – да, – мама хмыкает, перекладывая картошку в кастрюлю. – А вот нервы береги. Не позволяй ему себя выводить. Такие мальчики часто задираются, чтобы скрыть собственную неуверенность.

– В нём нет ни капли неуверенности, мам, – говорю я задумчиво. – В нём… вызов. Как будто он один на один воюет со всем миром. И учёба для него – поле битвы.

– Хм, – мама ставит кастрюлю на огонь. – Похоже, ты его уже просканировала как пациента. А что насчёт остальных? Девчонки?

– Люба и Катя… хорошие. Простые, без подковёрных игр, как у нас на потоке. Позвали за общий столик, не дали затеряться. Катя – староста, она всех опекает, прям как ты.

– Значит, не всё потеряно, – улыбается мама, и в её глазах я вижу настоящее облегчение. – А вечером… как дошла до корпуса? Без приступов?

Я замираю на секунду. Вспоминаю ледяной ужас, сковывавший меня у выхода, ощущение, что за каждым углом притаилась опасность.

– Было… непросто, – признаюсь тихо. – Словила ступор у шлагбаума. Стояла, не могла пошевелиться. Меня… сигналом машины вывели из ступора.

Лицо мамы становится серьёзным. Она вытирает руки и подходит ко мне, кладя ладони мне на плечи.

– Это нормально, Никуш. Ты сделала огромный шаг. Не кори себя. Завтра я тебя провожу. Буквально пару дней, чтобы ты запомнила дорогу и перестала её бояться. А потом… потом ты справишься сама. Я знаю.

Её слова, тёплые и твёрдые, как гранит, снова становятся мне опорой. Я киваю, чувствуя, как ком в горле потихоньку рассасывается.

– Знаешь, что ещё было странно? – говорю я, возвращаясь к шинковке. – Когда я сказала, что из Питера, а Влад спросил, не за местного ли я замуж вышла. Меня аж передёрнуло.

– И что ты ответила? – мама замирает.

– Сказала, что ты получила тут работу, а я не захотела одна оставаться. Вроде, поверили. Но, мам… а если он правда найдёт нас? Если его семья такие связи имеет…

– Тогда мы будем драться, – спокойно, без тени сомнения, говорит мама. Она смотрит на меня, и в её взгляде – вся сталь, которую я когда-либо в ней видела. – Но не сейчас. Сейчас мы ужинаем. Потом ты готовишься к завтрашнему дню, а я горжусь тобой. Очень. Потому что сегодня ты не сломалась. Ты прошла через это. И завтра пройдёшь. Понимаешь?

Я смотрю на её руки, сильные руки, которые держали скальпель и вытаскивали в этот мир новую жизнь. И которые сейчас режут картошку для нашего ужина. Самого обычного ужина в нашем самом обычном новом доме.

– Понимаю, – говорю я, и голос мой больше не дрожит. – Мам, а давай в салат ещё яблоко покрошим?

На следующий день мама провожает меня до корпуса. Точнее идёт за мной поодаль. Но этого оказывается достаточно, чтоб успокоиться. Захожу на занятия в приподнятом настрое-

нии. Что дома, что здесь не наряжаюсь на учёбу. Не вижу смысла – всё равно под халатом ничего не видно. Главное, чтоб удобно было. Вот и сегодня на мне джинсы и футболка с пайтой. Снимаю пайту и ощущаю на себе пристальный взгляд. Надеваю халат и поднимаю голову. На меня внимательно смотрит Влад.

– Ты что-то хотел? – спрашиваю я, и это звучит достаточно грубо.

– Ничего, – отвечает Влад, но глаз не сводит.

– Хватит девушку смущать, – одергивает его Катя. – Вероника, пойдём!

– Я – Ника, – поправляю Катю на автомате.

Катя – староста группы. Она старше всех. Поступила в мед не с первого раза, окончила медучилище и дочку успела родить. Она всех опекает. Люба вчера успела рассказать немного о каждом из одногруппников. Вот и меня Катя под крыло берёт.

– Хорошо, Ника! – Катя смеётся. – И пожалуйста, будьте с Ником поскромнее. Дайте отвечать ещё кому-то.

– Постараемся, – Никита подошел неслышно. – Да, Ник?

Киваю в ответ. И мы дружно спешим на занятие. Жизнь налаживается. Сегодня мы с Никитой батл по знаниям не устраиваем. Но и возможности ответить не упускаем тоже. Нас должны закрепить за палатами по парам. Большая часть группы уже подходила к преподавателю с просьбами поставить их вместе. Но он решает подойти к этому процессу креативно. Бумажки с номерами палат ссыпает в колпак. Мы подходим по очереди и тянем. Я вытянула бумажку с номером три и с интересом наблюдаю с кем же буду вместе. Такую же цифру вытягивает… Никита.

Мы с мамой сидим в кабинете у главврача. Я порядком нервничаю. Ведь это моё первое трудоустройство в медицине. Практики – не в счёт. Главврач изучает копию моего личного дела. Какая же мама у меня умная, всё предусмотрела, всё продумала. Я ещё возмущалась – мол, зачем лишние деньги на ксерокопии тратить. А вот теперь они пригодились.

– Что, Вероника Викторовна, не хотите по маминым стопам идти? – спрашивает главврач. – Кардиологом быть хотите?

– Да, хочу! – уверенно отвечаю я.

– И куда же вас отправить? К взрослым или к детям? – раздумывает он, а я удивлённо смотрю на него. – Вероника Викторовна, в нашей больнице пока что и взрослое, и детское отделение кардиологии. До тех пор, пока специализированный центр не откроется.

– Конечно, к детям, – чуть не кричу от радости я и тут же осекаюсь.

– Решено! Собирайте все необходимые документы, – он передает мне список. – А пока можете приходить в отделение, знакомиться с фронтом работ. Удачи Вам!

Выходим из кабинета безумно довольные. Мама берёт список и внимательно изучает.

– Никуш, ты можешь сегодня медосмотр пройти. Всё, кроме анализов, – говорит она и хмурится. – Поликлиника здесь же. А мне в отделение уже пора. Сама потом дойдёшь?

– Конечно, – я успокаиваю маму. – Надо же привыкать ходить одной, без сопровождающих.

– Вот одной не надо привыкать, – сокрушается она. – Тебе бы парня хорошего встретить…

– Мам, не надо мне никаких парней! Одного жениха с головой хватило… – возмущаюсь я.

Она ничего не отвечает, только обнимает меня. Мама идёт к выходу, а я ищу регистратуру по указателям. Два с лишним часа пролетают незаметно, но большая часть печатей на заветном бланке получена.

На улице уже темно. Не люблю позднюю осень именно за это. Людей в больничном дворе почти нет. Я пытаюсь понять куда же идти, но не могу сообразить. Корпусов много – путаюсь в них. Достаю распечатанную карту областной больницы и роняю файл с документами. Слышу

рядом знакомый голос: «Девушка, вы уронили!» Никита поднимает мой файл и не спешит отдавать.

– Ника? – удивляется он. – Ты чего тут? Занятия ведь давно уже закончились.

– То же самое и тебя могу спросить, – отвечаю ему. – На работу устраиваюсь.

– Куда устраиваешься? – искренне интересуется Никита.

– В кардиологию, – я удивляюсь его интересу.

– В какую именно? – продолжает он расспрашивать.

– В детскую. Что за допрос, Никита? – шутливо возмущаюсь я.

– Значит, вместе работать не будем, – мне показалось или в его голосе действительно слышатся нотки разочарования.

– Ты тоже тут работаешь? – теперь настала моя очередь задавать вопросы.

– Ага,– улыбается он. – Только называй меня Ником.

– Хорошо, Ник! – я пользуюсь моментом и задаю вопрос. – Раз ты здесь работаешь, то точно знаешь где здесь перинатальный центр?

Никита внимательно меня осматривает и спрашивает:

– И что ты там забыла? Не успела перевестись и уже в академ собираешься?

– Дурак, – обижаюсь я. – У меня там мама работает.

– Так ты тоже из врачебной династии, – одобрительно выдаёт он. – Идём! Это рядом с кардиологическим корпусом. Заодно и расскажу тебе где тут что.

Я очень внимательно его слушаю, но не запоминаю и половины. Видно сказывается насыщенный день. Всё-таки перебор сегодня получился после недели затворничества. Но надо привыкать.

– Ника, давай я вас с мамой домой подвезу? – предлагает Никита.

– Не надо, – отмахиваюсь я. – К тому же, тебе может быть не по пути.

– По пути, – он загадочно улыбается. – Видел вас с мамой вчера в супермаркете. Навряд ли, вы через полгорода в магазин ехали.

– Нет, конечно! – смеюсь я. – Спасибо, Ник. Мы сами доберёмся.

За разговорами не замечаю как подошли к перинатальному центру. Как? Я же собиралась запоминать дорогу? Собиралась, но беседа с Ником оказалась гораздо интереснее. Ну и ладно! Завтра по светлому буду изучать все тайные и не очень тропы больничного городка. Прощаюсь с Ником и бегу к маме. Она, наверно, меня уже потеряла.

Так и есть. Мама без халата сидит в ординаторской, ожидает меня.

– Никуш, что-то ты подзадержалась? – в её голосе слышатся нотки тревоги.

– Мам, всё норм, – я отмахиваюсь. – С одногруппником заболталась.

Всю дорогу до дома не замолкаю. Рассказываю маме о новой группе. Вроде бы стараюсь обо всех рассказывать понемногу, но имя Ника звучит чаще других. Я этого не замечаю в отличии от мамы.

– Дочь, а ты становишься прежней! – улыбается она. – Как же я рада!

Прошедший день слишком насыщенный выдался. Меня сморило во время чтения конспекта. Даже не переоделась. Вскакиваю, словно ошпаренная от звонка будильника. Мне же пораньше надо сегодня, чтоб успеть анализы сдать до занятий. Мама заглядывает в комнату и торопит меня. Быстро умываюсь. Сегодня обхожусь даже без минимума косметики. Закидываю в сумку телефон и конспекты. В автобусе решаю написать Ане. Вижу непрочитанное сообщение. Открываю и в ту же секунду леденею от ужаса. «Вероника, я всё равно тебя найду» – светится на экране.

4

Еду на занятия в приподнятом настроении. Даже интересно как оно сегодня будет. Обычно, когда здесь мы работали в парах или тройках, мне было откровенно скучно. Я либо сразу выдавал ответ, устраивающий преподов, либо снисходительно ждал. Сегодня же меня ждёт интеллектуальный пинг-понг. От Вероники поблажек ждать не стоит. Да и я не собираюсь ей уступать. Всё-таки здоровая конкуренция – это круто!

Но в аудитории меня ждёт лишь тень вчерашней Ники. На обходе она не молчит, но и нашего обычного соревновательного духа тоже нет. Жаль, я начал уже привыкать. Улучаю момент, подхожу к Нике сзади и легонько трогаю её за плечо. Она же подскакивает, шарахается от меня и, зацепившись за стул, падает. К счастью, вовремя успеваю среагировать и подхватить её.

– Да, – тяну с усмешкой. – Так на меня девушки ещё не реагировали. Даже как-то обидно. Ника, ты в порядке?

– В полном, – цедит Ника, но я не верю ей.

– Тогда чего такая бледная? – мне почему-то интересно докопаться до истинных причин состояния.

– Анализы сдавала и поплохело, – равнодушно выдаёт Ника.

– Ну-ну, – всем своим видом показываю, что врать Вероника не умеет.

– Никит, не до тебя сейчас, – её тон не меняется, но это уже больше на правду похоже.

– Так бы сразу и сказала, – нарочито равнодушно отвечаю я и выхожу из аудитории.

Странно… Ника не из тех девушек, кому свойственны эмоциональные качели. Не тот психотип. Что же всё-таки произошло?

Остаток занятия исподтишка поглядываю за Никой. Её состояние не меняется. Та же бледность и отстранённость. Очень хочется растормошить её и вернуть вчерашнюю всезнайку-язвочку Нику. Но подойти ещё раз к «Снежной королеве» сегодня точно не решусь. Хватило одного раза. И почему я ни с кем в группе толком не подружился? Впервые с начала учебного жалею об этом. Девушки наши точно больше меня о Нике знают. Со старостой Катей она точно подружилась, и с Любой тоже.

Но это всё завтра. Сегодня ночное дежурство. Перед ним надо хорошо выспаться. На первом этаже вижу Нику. Она уже одета, но выходить на улицу не торопится. Лишь задумчиво смотрит в окно. Говорю Нике: «Пока! До завтра!» Но она меня не слышит. Даже не поворачивается в мою сторону. И тут меня озаряет: она же может быть чем-то очень сильно напугана! Ладно, выясню это завтра.

Меня отпускают с дежурства за час до смены – благодарность за помощь со сложным пациентом. Но ехать в пустую съемную квартиру не хочется категорически. Там только тишина, нагоняющая тоску, и риск провалиться в сон до вечера. Направляюсь в круглосуточную столовую «У Анжелы» рядом с больничным городком. Запах жареного лука, жирных котлет и слабой хлорки был отвратителен, но знаком. Здесь кормились все ночные смены.

Жуя резиновый омлет, я смотрю в потолок. Мысли, против воли, возвращаются к Нике. В каком она сегодня будет состоянии? Та же бледная статуя или всё-таки проявится та самая, острая на язык девчонка с обхода? Интересно, когда она начнет работать в детской кардиологии? Если она так рвётся туда, наверняка уже что-то согласовала. Она вообще работала когда-нибудь? Или только на практиках была в питерских клиниках, куда берут по блату?

Расплатившись, бреду обратно. До занятий оставалось минут сорок. Охранник на проходной, мужик с уставшим лицом, кивает. Он привык к моим ранним визитам. Поднимаюсь на

второй этаж в нашу аудиторию. Оттуда открывается шикарный вид на главную аллею. Подвигаю стул к окну, достаю планшет, открываю свежую статью. Но буквы плывут перед глазами.

Взгляд сам цепляется за движение внизу. В конце аллеи, из утреннего тумана, выплывают две фигуры. Одна – в сером пальто, другая – в том самом коралловом пуховике, объёмном, как спальный мешок. Ника и её мама. Они идут не спеша, почти в ногу. Мать что-то говорит, жестикулирует, а дочь идёт, опустив голову, спрятав руки глубоко в карманах.

Какое-то раздражение, кислое и беспричинное, подкатывает к горлу. В чём смысл? Ей что, неохота лишние полчаса поспать, как нормальному человеку? Или её, как первоклашку, нужно обязательно провожать до самых дверей? На шестом курсе! Я сжимаю челюсти от злости. «Стоп, – мысленно одергиваю себя. – Вчера сам решил, что она напугана. А сегодня уже злишься». Но злость не уходила. Мама Ники останавливается у крыльца, обнимает дочь за плечи и что-то шепчет ей на ухо. Та кивает в ответ. И только когда Ника скрывается в здании, её мама идёт в сторону перинатального центра. Чёрт. Всё-таки страх. Настоящий, глубокий. И это… это не вписывается в образ стервозной, избалованной питерской принцессы, который мне хочется на неё примерить.

Когда она входит в аудиторию, я машу рукой: «Ника, привет!». Она вздрагивает, будто от неожиданного хлопка, бросает в мою сторону короткий, ничего не выражающий взгляд и просто кивает: «Привет». Идёт к своему месту, не замедляя шага. Хорошо. Режим «Снежной королевы» все еще в силе. Ладно. Подожду.

На обходе мы работаем как отлаженный механизм, но без азарта, без искры. Она точна, быстра, но внутри себя. Я жду вызов в её глазах, а вижу лишь концентрацию. Ладно. Хоть так. Ника всё равно была лучшая здесь.

В буфет она приходит одной из последних, когда все столики уже заняты. Замирает у входа, оглядываясь. У нас с Владом и Вовкой есть свободное место. Я уже открываю рот, чтобы позвать. Но её окликают Люба с Катей с другого конца зала. На их столике уже стоит лишний стаканчик йогурта и булочка. У них свой, женский круг. Ника направляется к ним.

Влад тут же фыркает, отодвигая тарелку с недоеденной кашей.

– Что, королева проигнорировала твоё приглашение? – его голос нарочито громкий, язвительный. – Мы, видимо, недостаточно круты для её высочества.

– Не выдумывай, – бурчу я, отпивая кофе. – Она ещё не влилась в коллектив. Дай человеку месяц, чтобы освоиться.

– Месяц? – Влад усмехается, перекатывая вишнёвую косточку по столу. – Да она и через два будет ходить мимо, как мимо стула. Смотришь на неё и видишь – столичная штучка. Из тех, что считают нас, провинциалов, людьми второго сорта. Только с мозгами.

Разговор принимает тот самый мерзкий, сплетнический уклон, который я ненавижу.

– К любому человеку можно найти подход, если не вести себя как придурок, – говорю я, и мои слова звучат резче, чем хотелось.

Влад поднимает бровь. В его глазах появляется азартный блеск. Он обожает ставить людей в неловкое положение.

– О-го-го. Звучит как личный вызов. Хочешь сказать, что ты этот подход найдёшь? К нашей «Снежной королеве»? – он понижает голос до конспиративного шёпота. – Спорим, что не найдёшь? Что через месяц она с тобой на «вы» будет и не больше двух слов за раз говорить не станет?

Всё во мне сжимается. Старая, глупая история. Спор. Слово, которое все меняло. Именно так в московской тусовке начинались самые идиотские пари – на девушек, на машины, на что угодно. И я всегда в них ввязывался, потому что не мог позволить усомниться в своих силах. Отец был прав, называя меня раздолбаем.

– Найду! – вырывается у меня само, на автомате, от раздражения и желания заткнуть его.

И тут же ощущаю тошнотворную пустоту в желудке. Что я только что сказал? Смотрю на Влада и вижу в его глазах торжество. Он поймал меня на слабо.

– Но спорить на это не буду, – добавляю быстро и неестественно спокойно. – Это не спор. Это констатация факта.

Встаю, беру свой стаканчик и ухожу в другой конец зала. Сердце глухо стучит. Я обещал отцу. Обещал сам себе. Никаких больше дурацких споров, пари, игр. А я только что в одну секунду всё откатил назад. Пусть и отказался от ставок, но фраза была брошена. И Влад её запомнил.

Вовка молча идёт за мной. Мы допиваем кофе, глядя на грязный больничный двор. Потом наши телефоны синхронно завибрировали.

– Кто-то вышел из общего чата, – говорит Вовка, быстрее меня достав свой телефон.

Открываю мессенджер. Чат группы на месте. В списке участников вижу «Вероника Р. (новый номер)». Она просто сменила номер и пересоздала контакт. Никаких громких выходов.

– Не вышла, – тихо говорю я. – Просто номер сменила.

Вовка смотрит на меня, потом в сторону столика, где сидит Ника, окружённая подругами. Тоже смотрю туда, не в силах оторвать взгляд от её профиля. Она слушает, что-то говорит Кате, и на секунду на её лице мелькает тень улыбки. Быстрой, как солнечный зайчик, и тут же погасшей. В этот момент она не «Снежная королева», не испуганная мышка. Она просто девушкой. Умная, красивая, с какой-то своей, глубоко запрятанной болью.

И эта боль, эта тайна, манит меня теперь с силой, против которой глупый спор с Владом кажется детской вознёй. Мне безумно хочется не выиграть пари, а понять. Кто ты, Вероника Рамина? И от кого ты так отчаянно прячешься, что даже номер телефона меняешь?

***

Утром мама идёт со мной до самого корпуса. Это огромный крюк для неё, потеря времени, но она идёт. Твёрдо, молча. Её шаги позади – это ритм, под который я могу дышать.

– Мам, – останавливаюсь у знакомых стеклянных дверей. – Сегодня я сама дойду. После пар. Честно.

Она смотрит на меня. Не на лицо, а куда-то глубже. Её взгляд видит всё: и страх, и стыд, и крошечное, тлеющее желание быть сильной.

– Точно? – спрашивает она просто. Никаких упрёков. Только вопрос.

– Точно-точно, – добавляю в голос уверенности. – Я справлюсь. Позвоню, только если… если совсем прижмёт.

Она не спорит. Кивает, слегка сжимает моё плечо и уходит. Я смотрю ей вслед, пока её фигура не теряется в толчее белых халатов, и чувствую, как земля уходит из-под ног. Я одна. Вдох. Толчок. Дверь поддаётся. И он здесь. Никита. Стоит в холле, у окна, с бумажным стаканчиком в руке. Один. В это время? Занятия через сорок минут. Он медленно поворачивает голову. Его взгляд – не вчерашний, острый и гипнотизирующий. Сегодня он… спокойный. Наблюдающий. Как будто изучает редкий, сложный симптом.

Всё внутри замирает. Подойди. Скажи что-нибудь. Объясни. Но что? Я собираю в кулак всё своё достоинство, киваю ему едва заметно и, проходя мимо, выдавливаю из себя: «Привет». Даже не замедляя шага. Чувствую, как его взгляд прожигает мне спину. Всё тело горит от неловкости и стыда. Я веду себя как последняя трусиха и невежа. Он ничего плохого не сделал. А я отшиваю его, как назойливого муха.

Я объяснюсь, судорожно обещаю я себе, поднимаясь по лестнице. Обязательно. Просто… не сейчас. Сейчас не могу. Позже. Когда отдышусь. Когда… Когда перестану вздрагивать от каждого шороха. Иду по длинному больничному коридору, и каждый шаг отдаётся звонким, предательским эхом в моей голове. Симка в кармане джинсов – маленький пластиковый прямоугольник – кажется раскалённым углём. Он обжигает кожу бедра сквозь ткань, напоминая: прошлое дышит в затылок, оно здесь, оно вернулось вместе со СМС, прочитанным вчера.

«Вероника, я всё равно тебя найду». Фраза врезалась в мозг и теперь живёт там, пульсируя навязчивой, ядовитой строкой. Но новый номер здесь дать всё-таки придётся. Я не могу быть не на связи.

Вчерашний ужас не ушёл. Он осел тяжёлым осадком на дне, превратив всё вокруг в подводный мир – звуки доносятся приглушённо, свет из окон кажется тусклым и неживым. Сегодняшние занятия – просто фон. Голос преподавателя гудит, как шум двигателя за бортом самолёта. Я смотрю на доску, вижу знакомые термины, схемы, но смысл ускользает. Всё, что я вчера знала назубок, сегодня рассыпается на бессвязные буквы. Меня спрашивают. Я, всегда такая собранная, всегда первая, – ляпнула несусветную чушь. Идиотка. Сумасшедшая.

Скорей бы анализы. Скорей бы на работу. Работа в детской кардиологии станет моим спасательным кругом. Там, среди маленьких пациентов, их страхов и надежд, моему собственному страху просто не останется места.

5

Дни тянутся медленно и монотонно. Время здесь будто потеряло свои привычные свойства. часы тянулись бесконечно, а дни пролетали, не оставляя в памяти ничего, кроме серой усталости. В Питере жизнь била ключом – вечеринки с подружками, подработки в клинике. Здесь же я стала частью этого медленного, монотонного пейзажа.

Но сегодня настал тот самый день. Сегодня я выходила на работу. Не на практику, не на подмену, а на настоящую работу. Медсестрой в детскую кардиологию. Это был не просто шаг – это был прыжок с парашютом в нормальную жизнь. Ту самую, которую у меня украли.

Сеансы с психотерапевтом, на которые мама водила меня как на допрос, начали давать первые результаты. Я уже могла одна дойти до магазина у дома. Всего сто метров туда и сто обратно. Рука всё время лезла в карман, нащупывая телефон, как талисман. Но я доходила. Сама. И по больничному городку я теперь не бежала, сломя голову, а шла. Пусть медленно, пусть постоянно озираясь, но шла. Прогулка с Никитой в тот раз не в счёт – тогда я была не одна, и страх отступил перед насущной задачей не заблудиться. Мы так и не поговорили. Не поговорили о том, что он видел тогда, в первый день, мою панику. Не поговорили о том, почему я иногда замираю посреди коридора, не в силах пошевелиться. Я не готова была раскрывать это. Не перед ним.

Зато с Любой и Катей всё сложилось как-то само собой, по-девичьи. Они не лезли с расспросами, а просто взяли за правило идти со мной до нужного корпуса – им было по пути на остановку. Их болтовня, простые житейские истории о детях, мужьях, сессиях, создавали вокруг меня защитный кокон нормальности.

Сегодня мы идём не спеша. Катя рассказывает, как её трёхлетняя дочь устроила истерику в саду из-за синей ложки. Я смеюсь вместе с ними, и этот смех даёт странное, непривычное ощущение в груди. Лёгкий. Искренний. Я почти не помню, когда смеялась в последний раз просто так, а не истерически, от нервного перенапряжения.

Именно в этот момент, когда я расслабляюсь и позволяю себе поверить, что всё налаживается, вижу его. Чёрный, полированный до зеркального блеска внедорожник, чужеродный и угрожающий, как космический корабль пришельцев, остановился у главных ворот. Из него выходят двое. Высокие. Крепкие, как борцы. Смуглые. Чёрные волосы, короткие стрижки. Один что-то говорит другому, и тот засмеялся, грубо, отрывисто. Мир переворачивается.

Воздух вырывается из лёгких одним резким, беззвучным выдохом. Солнце меркнет, звуки сливаются в оглушительный звон. Всё хорошее, всё тёплое, что только что наполняло меня, испаряется и оставляет после себя леденящую, абсолютную пустоту. Нет! Это даже не выкрик. Этот хриплый, животный звук вырывается из самого нутра. Мои ноги перестают слушаться, и я просто оседаю на снег, как подкошенная. Холод мгновенно проникает сквозь джинсы, но я его не чувствую.

«Нет! Нет! Я же уехала!» – мои пальцы впиваются в ледяную корку, пытаясь удержаться за реальность. «Что непонятного? Зачем ты меня нашёл? Зачем?» Голос срывается на визг. Слёзы текут по лицу, горячие и беспомощные. Это не истерика. Это крик загнанного зверя, увидевшего клетку, из которой только что выбрался.

Люба и Катя мечутся вокруг меня, их лица искажены шоком и страхом. Они пытаются поднять меня, что-то говорят. Но их голоса доносятся как из-под толстого слоя воды. Я вижу только их. Двух мужчин. Они уже идут в нашу сторону. Целенаправленно. Их лица мне незнакомы, но типаж – тот же самый. Та же уверенность, та же физическая мощь, тот же намёк на жестокость в уголках рта.

– Никита, иди сюда! Быстрей! – откуда-то издалека доносится резкий, командирский голос Кати.

– Ника, да что с тобой такое? – Люба трясёт меня за плечо, её пальцы дрожат.

Но мне всё равно. Всё кончено. Они нашли. И сейчас возьмут под руки и отведут к той чёрной машине. Девочки не смогут им помешать. Бежать? Куда? Мои ноги стали ватными, сердце колотится так, что вот-вот разорвёт грудную клетку. Я смиряюсь. Просто закрываю глаза, ожидая, когда грубые руки схватят меня.

И тут в лицо ударяет ледяная, мокрая хлопьями пригоршня снега. Я ахаю и открываю глаза, задыхаясь от шока. Надо мной, перекрывая солнце, стоит Никита. Его лицо не удивлённое, а сосредоточенное, почти суровым. В его глазах ни насмешки, ни страха – только жёсткий, пронзительный взгляд. И кажется, он видит меня насквозь. Он не спрашивает, не утешает. Он просто протягивает руку. Твёрдую, с длинными хирургическими пальцами. На чистом инстинкте, я цепляюсь за неё. Его ладонь тёплая и невероятно сильная. Он тянет, и я подымаюсь, пошатываясь. Истеричный вопль застряёт в горле. Паника, бушевавшая секунду назад, уходит, оставляя после себя дрожь и пустоту.

Именно в этот момент мужчины подходят к нам. Один из них, потирает переносицу и вежливо спрашивает: «Молодые люди, простите, как к травматологии пройти? У товарища тут… неудачно упал». Мир снова переворачивается, на этот раз обратно. Глупость. Нелепость. Абсолютная, дурацкая, унизительная ошибка. «Дура! – шиплю я себе под нос, чувствуя, как жгучий стыд заливает щёки. – Какая же я конченная дура!» Пока Катя объясняет им дорогу, я стою, не в силах поднять взгляд. И чувствую на себе тяжёлый взгляд Никиты, отчего становится совсем паршиво.

– Ника, я тебя провожу, – говорит он.

Не предлагает. Констатирует. В его голосе нет места для возражений. Внутри всё сжимается в комок. Только не это. Не сейчас. Не после этого позора. Он начнёт спрашивать. А что я ему скажу? «Извини, меня когда-то похищал психопат, и теперь я путаю случайных прохожих с его громилами»? Спасибо, психотерапия. Блестящий результат. Готова к работе с детьми. Прям полностью готова.

– Ника, ты как? – Люба смотрит на меня с такой жалостью и тревогой, что становится ещё хуже.

– Норм, – бормочу я, но мой вид, наверное, кричит об обратном. Я бледна как полотно и всё ещё дрожу.

– Никит, проводи Нику, пожалуйста! Вам же по пути, – решительно просит Катя, а затем поворачивается ко мне. – Ника, завтра ты нам всё рассказываешь. Отговорки не принимаются.

Я лишь киваю, не в силах вымолвить ни слова. Никита коротко прощается с девочками, берёт меня под локоть и ведёт прочь. Мы идём молча. Он не торопится с вопросами. Только когда сворачиваем к кардиологическому корпусу, спокойно спрашивает:

– Тебе куда сегодня?

– На работу, – выдавливаю я полушёпотом. – Сегодня первый рабочий день.

– Да? Может, перенесёшь? Не в таком же состоянии, –свистит сквозь зубы, низко и протяжно.

– Ни за что! – восклицаю я, и в голосе прорывается отчаянная решимость. – Ты не представляешь, как я этого ждала…

– Знаю, – мягко перебивает он. – Мне ты можешь не рассказывать. У нас ещё есть время. Давай перекусим. Хочешь кофе?

Я киваю и мысленно благодарю за эту передышку. За то, что он не лезет в душу. В кафетерии он берёт инициативу в свои руки. Рассказывает про свои первые дни здесь, про смешные казусы с пациентами, про то, как сам перепутал этажи и чуть не зашёл в морг вместо терапевтического отделения. Никита – совершенно не забавный рассказчик, но его спокойная, немного ироничная манера говорить действует лучше любого успокоительного. Он не спрашивает ни о

чём. Он просто… отвлекает. И это для меня сейчас самое лучшая помощь, которую кто-либо мог мне оказать.

Моя первая смена – глоток чистого воздуха. Да, суматошно – звонки, беготня, назначения. Да, нервно – я боялась забыть что-то важное, перепутать. Но в то же время невероятно, захватывающе интересно. Видеть, как твои действия помогают маленьким пациентам… Это именно то, ради чего я жила последние годы. Я окончательно, на клеточном уровне, поняла: я хочу быть детским кардиологом. И никем другим.

Мама уже ждёт меня у выхода, закутанная в шаль. На её лице я вижу смесь тревоги и гордости. Я уже открываю рот, чтобы начать свой сбивчивый, восторженный отчёт, как сзади раздаётся голос:

– Ника, ты домой?

Никита. Он идёт следом.

– Я с мамой.

Он кивает, придерживает для нас тяжёлую дверь, а затем, к моему удивлению, выходит вместе с нами.

– Здравствуйте! Я – Никита, одногруппник вашей дочери», – представляется он маме прежде, чем я успеваю что-либо сказать.

Он источает уверенность. Мама, после секундного удивления, одаривает его тёплой, изучающей улыбкой.

– Здравствуй, Никита! Светлана Афанасьевна, мама Ники. Очень приятно.

– Взаимно, – он слегка наклоняет голову. – Давайте я подвезу вас домой. В автобусах в этот час давка невероятная. Просто скажите адрес.

Идея заманчива – ноги гудят от усталости. Но внутри всё сжимается. Мало ли что он ляпнет маме по дороге? Слово «истерика», «кричала», «упала в снег»? Или, что ещё хуже, начнёт задавать наводящие вопросы? Нет, уж лучше трястись в душном автобусе. Но мои мысли никого не интересуют. Мама, недолго думая, называет наш адрес.

– Да ладно! – восклицает Никита с искренним изумлением. – А подъезд какой?»

– Второй, – автоматически отвечаю я. – И этаж тоже.

– Так мы соседи, получается, – он качает головой, усмехаясь. – И как мы в подъезде ни разу не встретились?

Пока мы идём к его невзрачной «Ладе», я успеваю тихо, но внятно прошипеть ему: «Ни слова маме!». Он лишь коротко, почти незаметно кивает в ответ.

Дорогу домой с подачи Никиты превращается в лёгкий, ненавязчивый допрос о моём рабочем дне. Мама с радостью подхватывает тему, и я, постепенно оттаивая, принимаюсь рассказывать. О девочке с шумом в сердце. О мальчике, который боится стетоскопа. О доброй старшей медсестре, которая показала все тайные места. Никита задаёт уточняющие, профессиональные вопросы, и мама с интересом слушает. Мне невероятно спокойно. Мы говорим о том, что важно. О том, что даёт мне силы.

В подъезде Никита останавливается у двери на первом этаже. «Вот моё берлога», – говорит он, улыбаясь маме. Мы с мамой идём к лестнице.

– Ника, подожди минутку, – зовёт он меня, когда мама уже начала подниматься.

Я замираю, чувствуя, как усталость накатывает новой, более тяжёлой волной. Мама лишь кивает мне и идёт к квартире. Я оборачиваюсь.

– Что? – спрашиваю я, и в голосе звучит вся накопившаяся за день усталость.

Никита подходит ближе, понизив голос. Его лицо в тусклом свете лампочки выглядит серьёзным.

– Можно завтра, – он делает крошечную паузу, – я вместе с Катей и Любой послушаю твою историю? Не всю. Ровно столько, сколько захочешь рассказать. Но… чтобы понимать. Чтобы случайно не наступить на больную мозоль».

Он не требует. Он просит разрешения. И в его глазах нет любопытства сплетника. Это что-то совершенно другое. Осторожность. И… ответственность. Как будто, увидев сегодняшний спектакль, он хочет взять на себя какую-то часть моей проблемы, просто чтобы не усугубить её неловким словом или действием.

Я молчу и просто смотрю на него, пытаясь разгадать эту загадку – Никиту Вольского. Потом киваю. Один раз. Чуть заметно.

– Хорошо, – шепчу я и, не прощаясь, бреду наверх, к маме.

К нашему тихому, безопасному дому, в котором сегодня появилась новый фактор. Сосед с первого этажа, который видел меня в самом жалком и неприглядном виде. И который, кажется, не спешит этим пользоваться.

***

Ключ заедает в замке. Надо бы хозяевам сказать. Но все забываю. Наконец дверь поддаётся. Так странно жить в такой квартире. Самой обычной, с хорошим ремонтом и регулярно возникающими бытовыми проблемами. В таких живут миллионы. Но после нашей московской двухуровневой квартиры, мне здесь всё ещё странно. Обычная панельная девятиэтажка. Моя ссылка. Именно так называет это место отец.

Щёлкаю выключателем на кухне. Лампа под потолком мигнёт раз, другой и загорается тусклым жёлтым светом, отбрасывая на стены длинные, уродливые тени. Надо бы заменить. Ставлю чайник. Тишина. Густая, давящая, нарушаемая только мерным тиканьем часов на кухне и шумом чайника, да ещё отдалённым гулом водопровода где-то в стенах. Раньше, после шумной Москвы, такая тишина сводила с ума. Сейчас она просто… есть. Часть пейзажа. Часть наказания.

Возвращаюсь в прихожую, скидываю куртку. Захожу в комнату, падаю на диван и закидываю руки за голову. Закрываю глаза, и сразу же всплывает картинка: снег, тротуар и она. Ника, сидящая в сугробе, маленькая, сжавшаяся в комок, с лицом, искажённым таким чистым, животным ужасом, что у меня до сих пор сжимается что-то под рёбрами. И её крик. Не истеричный, а… отчаянный.

«Нет! Я же уехала! Зачем ты меня нашёл?» Что за хрень? Кто её «нашёл»? Кого она ждала, увидев тех двух амбалов? Это не была просто паническая атака из-за стресса на новом месте. Это был ужас, вылившийся в конкретную, чудовищную форму. Ужас перед кем-то конкретным. И её удивлённое лицо, когда выяснилось, что это просто прохожие, спрашивающие дорогу. Не облегчение. Унижение. Стыд, прожигающий её насквозь. «Дура!» – прошипела она себе под нос. И я видел, как ей хотелось провалиться сквозь землю.

И самое странное – моя собственная реакция. Я не прошёл мимо. Не пожал плечами. Я забеспокоился. Настоящим, ёкающим где-то в районе солнечного сплетения беспокойством. Я бросил ей в лицо снег не чтобы развеселить, а чтобы прекратить истерику. Чтобы выдернуть из того кошмара, в который она погрузилась. И когда она вцепилась в мою руку… её пальцы были ледяными и цепкими, как у утопающего.

Вспоминаю недавний разговор с Владом. Хорошо, что тогда моментально отказался от спора. Ника – не из тех, на кого спорят. Эта девчонка не из тех, кого можно покорить циничной шуткой или показной бравадой. Она из тех, кто ищет надёжности. Крепости. И я, Никита Вольский, главный раздолбай и бабник курса, по мнению отца, вдруг почувствовал дикое желание эту крепость для неё построить. Хотя бы на время. Хотя бы для того, чтобы этот панический страх на её лице больше не появлялся. Мысль настолько нелепая и несвойственная мне, что я сажусь на диване и тщательно растираю лицо ладонями, будто пытаясь стереть её. Не мои проблемы. У меня своих – выше крыши. Отец, учёба, этот чёртов год испытательного срока. Мне нужно быть тише воды, ниже травы. Не высовываться. Не ввязываться.

Но образ её бледного, потерянного лица в кафетерии, когда она слушала мои глупые истории, не отпускает. Ника слушала так внимательно, будто я читал лекцию по спасению

мира. А потом после работы она сияла. Не буквально, конечно. Но какая-то внутренняя скованность с неё спала. Как будто нашла свою стихию. И это было… красиво. Не внешне, а как-то глубже. Чёрт. Чёрт, чёрт, чёрт.

Начинаю метаться по комнате. Пять шагов до кухни, разворот, пять шагов до окна. Мозг, привыкший решать задачи по анатомии, по хирургии, по отмазкам от отца, теперь бешено крутится вокруг одной-единственной загадки: Вероника Рамина. Кто ты? От кого бежишь? И почему твой страх, который я видел сегодня, вызывает во мне не раздражение. Это какая-то древняя, почти забытая потребность. Потребность защитить, что ли?

Я останавливаюсь у окна, глядя на тёмный, пустой двор. На столе куртки лежит телефон. Инстинктивно, почти против воли, тянусь к нему. Палец сам находит в списке контактов «Мама». Я смотрю на экран, на её улыбающуюся аватарку, и чувствую странную смесь стыда и потребности. Стыда, потому что последний раз звонил ей три дня назад. По делу. Сейчас тоже вроде бы по делу. Но ещё очень хочется поговорить с человеком, который, возможно, поймёт и что-то посоветует.

Завариваю чай и ухожу с чашкой в комнату. Сделав глоток ароматного напитка, я нажимаю кнопку вызова. Трубку берут почти сразу, на втором гудке.

– Никитушка? – голос мамы звучит настороженно, даже тревожно. – Ты в порядке? Не случилось ничего?

Мама беспокоится, будто я уже по умолчанию влип в какую-нибудь историю. И обычно так оно и было. Сегодня же её тревога режет по-особенному.

– В порядке, мам, всё нормально, – говорю я, и голос мой звучит устало, но спокойно. – Просто голова забита под завязку.

На том конце провода – лёгкий, облегчённый выдох.

– А, голова… Это дело поправимое. Учёбу с работой тяжёло совмещать?

– Да не особо… – я снова подхожу к дивану и опускаюсь на него, упираясь локтями в колени. – Тут у нас новенькая в группе появилась. Девушка.

Пауза. Не длинная, но ощутимая. Я почти слышу, как в голове у мамы щёлкают шестерёнки, перестраиваясь с режима «сын-проблема» на что-то новое.

– Да? – её голос становится мягче, заинтересованнее. – И что же в ней такого особенного, что мой сын, знаток женских сердец, голову себе ломает?

Раньше я бы фыркнул, отшутился бы какой-нибудь пошлостью. Но сейчас шутка не идёт.

– Она не из тех, мам, – говорю я серьёзно, и сам удивляюсь своему тону. – Она, кажется, всего боится. Ходит по коридорам, как мышка. Вздрагивает от каждого скрипа двери, от резкого звука. Прямо по стеночке крадётся. Но на занятиях… На занятиях она – тигрёнок. Умнее, наверное, всех нас, местных, вместе взятых. Схватывает на лету, вопросы задаёт такие, что препод аж задумывается. И сегодня…

Я замираю, снова прокручивая в голове тот момент падения в снег.

– Сегодня я увидел, как ей реально плохо стало. Не просто испугалась. На неё накатила самая настоящая паника. Она просто отключилась. Сидела в сугробе и кричала, что её «нашли». А я стоял над ней и не знал, что делать. Просто стоял, как полный идиот.

Признаться в этом – даже по телефону – удивительно тяжело. Я всегда знал, что делать. Или делал вид, что знаю. А тут – полный ступор. На том конце провода тишина. Не осуждающая. Внимательная.

– А ты что хотел сделать, сынок? – наконец спрашивает мама. Её голос нежный, без намёка на иронию. – Пошутить, как обычно, чтобы снять напряжение? Разрядить обстановку?»

– Нет, – вырывается у меня сразу, без раздумий. – Нет, я… я хотел, чтобы ей перестало быть страшно. Вот и всё. И не знал, как. Мам, это же по твоей части. Может, подскажешь?

После этих слов наступает долгая, тягучая пауза. Я слышу на том конце лишь тихое, ровное дыхание. И представляю её лицо – обычно озабоченное, вечно беспокоящееся за меня, а сейчас, наверное, задумчивое.

– Сынок… – наконец говорит она, и в её голосе я слышу что-то новое. Нежность, смешанную с лёгким, почти невероятным удивлением. – Ты взрослеешь. Диагнозы мы заочно не ставим и по телефону не лечим. Ты это прекрасно знаешь.

От этих слов становится и тепло, и неловко одновременно.

– Послушай меня, пожалуйста, – продолжает мама, и её тон становится твёрже. – Таким девушкам, которые носят свой страх с собой, как вторую кожу… Им не нужны клоуны. И не нужны рыцари на белом коне, которые всё решат за них. Им не нужна показуха. Им нужна надёжность, тихая гавань. Ты можешь просто быть рядом. Молча. Без оценок, без дурацких советов, без попыток всё «починить». Просто дать понять, что ты её видишь. Что ты заметил, что ей страшно. И что ты – на её стороне. Не против кого-то, а просто – на её. Но осторожно, Никитушка. Очень осторожно. Такую легко спугнуть, как птичку.

Я слушаю, и приходит озарение. Её слова падают на какую-то подготовленную почву. Именно это я интуитивно пытался сделать в кафетерии. Просто быть рядом, говорить о чём-то отвлечённом, не лезть в душу. Получилось криво, но, кажется, сработало.

– Легко сказать, мам, – вздыхаю я, потирая переносицу. – Я и так на её стороне. И даже не догадываюсь против кого должен быть.

– А тебе и не обязательно знать всё сразу, – мягко отвечает она. – Иногда просто само присутствие, сама готовность – это уже защита. Но, Никита, будь честен с ней. С самого начала. Если захочешь с ней общаться. Если почувствуешь, что это не просто мимолётный интерес. У неё, судя по твоим словам, своя большая боль. Она не простит фальши, игры, неискренности. Для неё, наверное, это будет пострашнее открытой угрозы. Потому что доверие – для неё самое дорогое, что у неё есть. И самым хрупкое. Не играй с этим, сынок. Либо будь честен, либо не трогай.

–Понял, – говорю я тихо. – Спасибо, мам.

– Я верю в тебя, – отвечает она, и в её голосе снова звучит эта тёплая, материнская гордость, которую я не слышал от неё давно. – И спи уже. Учёба-работа завтра.

Мы прощаемся. Я кладу телефон на стол и откидываюсь на спинку дивана, глядя в потолок. Беспокойство внутри не ушло, но оно сменилось странным, сосредоточенным спокойствием. Мама дала не ответы, а направление. Надёжность. Честность. Слова, которых раньше вообще не было в моём лексиконе. Слова, которые отец вряд ли когда-нибудь свяжет со мной.

Но, сидя в своей ссылке, я впервые за долгое время чувствую не злость на отца и не тоску по прежней, беззаботной жизни. Я чувствую ответственность. Не навязанную, а выбранную. Загадка по имени Вероника Рамина стала не просто развлечением от скуки. Не просто интеллектуальным партнёром. Она стала вызовом. И я, кажется, принимаю его.

Завтра. Завтра я попробую. Осторожно. Без глупых шуток и показухи. Просто дам понять, что я рядом. И что она не одна. Впервые за все месяцы этой вынужденной ссылки я засыпаю не с чувством обиды или скуки, а с тихим, странным предвкушением завтрашнего дня. И не знаю, что утро порушит все мои планы.

6

Просыпаюсь не от будильника, а от аромата гречневой каши. Как ни стараюсь опередить маму и встать пораньше – не получается. Она просыпается раньше меня всегда. Как ей это удаётся?

– Доброе утро, мам! – обнимаю её. – Хотела раньше тебя встать, чтоб завтрак нам приготовить. И опять не успела…

– Спи, пока спится, Никуш! – смеётся в ответ мама. – Ещё успеешь. Вся жизнь впереди.

Завтракаем молча. Каждая читает своё. Мама – очередную медицинскую статью, а я листаю старый конспект. В своих знаниях я уверена, но ещё раз всё повторить никогда не помешает. Вот только мысли так и перескакивают с азов кардиологии на соседа. Он-то точно завтраки сам себе готовит. А может у него есть кто-то. Понимаю, что ничего толком о Никите не знаю. Как и другие одногруппники тоже. Зачем мне это вообще надо знать? Удивляюсь тому, куда забрели мои собственные мысли.

Пока одеваемся, я то и дело поглядываю на дверь. Словно ожидаю кого-то. Это не укрывается от зоркого взгляда мамы.

– Ника, чтобы наш сосед зашёл за нами, он должен знать номер квартиры, – заговорщически подмигивает мама.

– Мам, ты о чём? – отчаянно пытаюсь принять непонимающий вид.

– Ты вчера нашему соседу только этаж назвала. Думаешь, он будет ломиться во все квартиры, чтоб узнать где живёт Вероника Рамина? – спрашивает мама и сама же отвечает. – Не будет, Ника. Не то воспитание. Если хочешь общаться с ним не только на занятиях – приглашай в гости.

– Ничего я не хочу, – вспыхиваю в один момент и понимаю, что вру сама себе.

– Ладно! – машет рукой мама. – Идём, а то рискуем опоздать.

Но когда мы спускаемся на первый этаж, я всё равно замедляю шаг. Прохожу мимо его двери почти на цыпочках, прислушиваясь. Ни звука. Тишина. Пустая, глухая тишина. И в голове, предательски и глупо, возникает мысль: позвонить. Просто позвонить в дверь и сказать: «Привет! У тебя всё в порядке?» Абсурд. Мы знакомы чуть больше недели, если не считать тех нескольких дней холодного игнорирования с моей стороны. Он подумает, что я совсем не в себе. Да я и сама так думаю.

Мама, уже спустившаяся на несколько ступенек ниже, оборачивается и поднимает бровь. Я, словно преступница, пойманная на месте преступления, торопливо бегу за ней. По пути чуть не спотыкаюсь о развязавшийся шнурок.

На улице – классический декабрь. Небо низкое, свинцовое, с редкими хлопьями мокрого, липкого снега. Он не кружится в воздухе, а падает тяжело и неохотно, тут же превращаясь под ногами в серую, скользкую кашу. Мы спешим на остановку, поднимая воротники. Я стараюсь думать о предстоящем дне, о работе в отделении, о том, что сегодня нужно будет помочь с перевязкой маленькому Саше после операции. Но мысли предательски возвращаются к тёмной двери на первом этаже.

Отделение, в котором проходят занятия, встречает обычными больничными запахами. Сдаю в гардероб свой коралловый пуховик и тороплюсь наверх. Люба и Катя уже тут.

– Ну, как ты? – первым делом спрашивает Катя, её тёмные, проницательные глаза быстро скользят по моему лицу, словно сверяя с вчерашним образом. – В порядке?

– В порядке, – киваю я, стараясь вложить в голос как можно больше уверенности. – Спасибо, что вчера не бросили.

– Да ладно тебе, – отмахивается Люба, надевая тапочки. – Мы же подруги. Ну, почти. Расскажешь всё сегодня?.

Я улыбаюсь в ответ, но внутри что-то сжимается. Рассказывать? Да. Но не сейчас. Надо ещё кое-кого дождаться. Странное, необъяснимое чувство. Вчерашний разговор с Никитой, его спокойный вопрос, его осторожность – всё это создало какую-то незримую связь. Как будто он уже стал частью этой истории. И начинать без него кажется нечестным. Предательским.

– Конечно, расскажу, – говорю я. – Только, немного позже?

Девочки переглядываются, но не настаивают. Мы идём в аудиторию. Я невольно ищу его взглядом. Обычно он уже сидит на своём месте у окна, листая конспект или уставившись в планшеь. Сегодня его место пусто. Стол чистый, стул задвинут. Как будто его и не было здесь вовсе.

Начинается занятие. Преподаватель что-то пишет на доске, раздаёт истории болезней. Я автоматически открываю тетрадь, но рука не пишет. Взгляд снова и снова возвращается к пустому месту. Куда он пропал? Он же не из тех, кто просто так прогуливает. Он слишком амбициозен для этого. Слишком одержим учёбой. Или, как он сам сказал, желанием вернуться обратно в свой блестящий мир.

Неожиданно в груди шевельнулось что-то тёплое и тревожное. Беспокойство. Настоящее, щемящее беспокойство за него. Я моргаю, пытаясь отогнать это чувство. Ника, успокойся! Тебе мало своих проблем? Хватит уже накручивать! Может, у него дела, может, проспал… Но внутренний голос, тихий и настойчивый, твердит обратное: на Никиту это не похоже. Не похоже совсем.

Перемена. Мы с девочками идём в столовую – тёплую, шумную, пропахшую тушеной капустой и компотом. Мы находим свободный столик в углу. Катя сразу же наклоняется ко мне, положив локти на стол.

– Ну, – говорит она. – Мы готовы. Рассказывай. Что вчера случилось? Кого ты так испугалась?

Люба смотрит на меня с неподдельным сочувствием. Я делаю глубокий вдох, собираясь с мыслями. Пора. Надо выкладывать. Хотя бы часть.

– Это было в Питере, – начинаю я медленно, глядя на кружку с чаем. – Один одногруппник. Иностранец. На прилично старше меня Он решил, что я должна стать его женой. Без моего согласия, естественно. И стал настойчиво этого добиваться. Очень настойчиво. Дело дошло до похищения и угроз.

Я вижу, как глаза Кати становятся круглыми, а Люба замирает с куском хлеба в руке.

– И вчера… та машина, эти мужчины… они были похожи на его… ну, на людей из его окружения. Такие же. Я подумала, что он нашёл меня. Вот и всё.

Я выдыхаю, чувствуя одновременно облегчение и стыд. Облегчение – потому что сказала это вслух не маме, а почти что подругам. Стыд – потому что история, высказанная в слух, звучит ещё более жалко и нелепо, чем в голове.

–Боже мой, Ника… – шепчет Люба, кладя свою руку поверх моей. – Это же ужасно. И как ты всё это время одна с этим справлялась?

– Не одна, – поправляю я. – С мамой.

В этот момент телефон Кати, лежащий на столе, тихо вибрирует и загорается. Она мельком смотрит на экран, и её лицо меняется.

– О, – говорит она. – Никита. Пишет, что слёг с температурой под сорок. Просит сфотографировать и переслать конспекты.

Удар. Не физический, а какой-то внутренний. Всё внутри резко опускается, а в горле встаёт ком. Температура. Под сорок. Это серьёзно. Особенно если ты один в чужом городе, в съёмной квартире.

– Ой, бедняга, – сочувственно качает головой Люба. – Одному болеть – самое худшее. Надо ему помочь как-то. Супчика горячего отнести.

– Как? – фыркает Катя, уже набирая ответное сообщение. – Этот рак-отшельник даже адрес свой никому не дал. С ним вся связь только по телефону.

Но её слова пролетают мимо меня. Я сижу, уставившись в свою кружку, и чувствую, как тревога, которую я пыталась заглушить, накрывает с новой силой. Он один. Он болен. Возможно, ему даже некому подать стакан воды. В голове всплывает картинка: его квартира, такая же пустая и неуютная, как мне показалось, и он, лежащий один в постели в полумраке.

Мама всегда говорила: люди, которые кажутся самыми сильными, чаще всего самые одинокие внутри. И Никита со своим цинизмом, своей броней из сарказма и уверенности… сейчас, наверное, просто одинокий и больной парень.

Остаток дня проходит в тумане. На работе я делаю всё автоматически, но мысли далеко. Смена заканчивается, и я, переодевшись, жду маму у выхода. Она приходит с лёгким румянцем на щеках – видно, день был не из лёгких.

По дороге домой в автобусе я молчу, глядя в тёмное окно, по которому стекают капли. Мама тихо спрашивает о дне, я отвечаю односложно. Потом, после паузы, она осторожно интересуется:

– А как наш сосед? Или сегодня не его смена?

Я качаю головой, не глядя на неё.

– Нет. Он заболел. Температура. Катя говорила.

Мама ничего не отвечает, но я чувствую, как её взгляд на мне задерживается. Она всё понимает. Всегда понимала.

Дома она, переодевшись, сразу идёт на кухню. Я слышу, как она открывает холодильник, гремит кастрюлями. Через пятнадцать минут в квартире стоит густой, согревающий душу запах куриного бульона с лапшой и морковью.

– Никуш, – зовёт мама из кухни. – Иди сюда.

Я подхожу. На столе стоит две банки – одна с бульоном, другая с супом – и небольшой пластиковый контейнер. Всё это мама аккуратно заворачивает в полотенце и укладывает в пакет.

– Что это? – глупо спрашиваю я, хотя ответ очевиден.

–Это – соседская взаимовыручка или студенческое братство. Выбирай, что тебе больше наравится, – говорит мама, глядя на меня прямо. – Ты отнесёшь это ему. Суп горячий, в контейнере – гренки, которые он может съесть, если аппетит появится. И необходимый минимум лекарств, на всякий случай.

Я стою, как вкопанная. Почему мне самой это в голову не пришло?

– Мам, это же не будет выглядеть странно? – спрашиваю я.

– Дочь, странно – это когда человек болеет в одиночестве, а его соседи делают вид, что не замечают, – парирует она. – Это не романтический жест, Ника. Это обычная человечность. Ты же медик, в конце концов. Больного человека нужно поддержать. Иди. Потом расскажешь. Маску не забудь надеть.

Она не оставляет выбора. Я и хочу пойти к нему, и боюсь. Боюсь его вопросов. Я медленно беру свёрток. Он тяжёлый и тёплый. Теплота через полотенце согревает мне руки.

Я киваю, глубоко вдыхаю и выхожу на лестничную клетку. Спускаюсь по лестнице и останавливаюсь перед дверью Никиты. Стою перед ней, слушая стук собственного сердца. Он гулко отдаётся в тишине. Поднимаю руку. Палец замирает в сантиметре от звонка. Это глупо. Он подумает, что я лезу не в свои дела. Но в памяти всплывает его рука, протянутая мне, валяющейся в снегу. Его спокойный голос в кафетерии: «Знаю. Можешь не рассказывать». Его вопрос в подъезде: «Можно, я послушаю твою историю?» Он был осторожен. Он уважал мои границы. Сейчас он в беде. Пусть и маленькой. Могу ли я поступить иначе?

Я нажимаю на кнопку. Звонок внутри квартиры звучит резко, пронзительно. Я замираю, прислушиваясь. Сначала тишина. Потом – невнятное шарканье, шаги. Медленные, тяжёлые. Дверь приоткрывается на цепочку.

Вижу его. Вернее, его тень. Лицо бледное, осунувшееся за день. Глаза прищурены от света с лестничной площадки, под ними – тёмные круги. Волосы взъерошены. На нём мятая серая футболка. Он выглядит беззащитным. Совсем не похожим на того самоуверенного Никиту с пар.

Он моргает, пытаясь разглядеть меня в полумраке.

– Ника? – его голос хриплый, слабый.

– Да, это я, – говорю я, и мой собственный голос звучит странно громко в тишине. – Мы с мамой узнали, что ты болеешь. Держи суп. И кое-что ещё.

Я протягиваю ему пакет. Он смотрит на него, потом на меня. В его затуманенных болезнью глазах мелькает что-то сложное: удивление, неловкость, и… что-то похожее на облегчение. Он отстёгивает цепочку и открывает дверь пошире, чтобы взять пакет.

– Спасибо, – хрипит он. – Это неожиданно. И очень вовремя. Я тут, кажется, забыл поесть.

– Не надо благодарностей, – быстро говорю я, чувствуя, как краснею. – Выздоравливай. И пей больше жидкости.

Последнюю фразу я добавляю уже как медик, и это звучит немного смешно. Он слабо улыбается, и эта улыбка, несмотря на болезнь, всё равно какая-то… тёплая.

– Постараюсь. Передай спасибо твоей маме. И извини за беспокойство.

– Никакого беспокойства, – говорю я и делая шаг назад. – Ну, я пойду. Если что – пиши-звони. Мы рядом.

Он кивает, и дверь медленно закрывается. Я стою ещё секунду, слушая, как за дверью удаляются его шаги. Потом разворачиваюсь и иду к себе. Руки больше не дрожат. Внутри – тихое, странное спокойствие и какое-то новое, незнакомое чувство. Не тревога. Не страх. Что-то другое. Что-то вроде… уверенности. Что я поступила правильно. По-человечески.

Мама встречает меня на пороге кухни с вопросом в глазах. Я просто киваю: «Передал. Сказал спасибо». И впервые за много сажусь ужинать с настоящим, не вымученным аппетитом. За окном темно, идёт снег, а в нашей тёплой кухне пахнет ужином и мандаринами. На телефон приходит сообщение: «Спасибо! Домашнюю еду в ответ не обещаю. А вот пообедаем перед работой вместе обязательно. Сразу, как только поправлюсь. Ник». Расплываюсь в улыбке и тут же одергиваю себя. Ника, это обычная благодарность!

***

Просыпаюсь от непривычной ломоты в теле. Каждая мышца ноет, горло будто натёрли наждачной бумагой и засыпали битым стеклом. Голова раскалывается на части, каждый пульс в висках отдаётся глухим, точечным ударом. Я открываю глаза, и даже тусклый зимний свет, пробивающийся сквозь шторы, режет, словно лезвие. В глазах песок, жжение. Первая связная мысль, пробивающаяся сквозь свинцовую муть сознания: Вот и поговорил с Никой. Узнал обо всём. Молодец, Вольский. Блестяще.

Ирония горькая, самобичующая. Вчера вечером, провожая её до лестницы, я чувствовал прилив какой-то почти детской решимости. Завтра всё изменится. Завтра я найду способ поговорить. Осторожно. Честно. А реальность оказалась проще и беспощаднее: за ночь я превратился в разбитую лодку, которую выбросило на берег с высокой температурой. С трудом перекатываюсь на бок, нащупываю на тумбочке термометр. Электронный, современный, подарок мамы на случай «если что». «Что» наступило. Жду. Писк. Смотрю на экран: 38.9. Не критично, но достаточно, чтобы мир вокруг поплыл и замерцал. Отлично. Просто прекрасно.

Сил вставать нет. Дотягиваюсь до телефона, валяющегося на полу. Экран слишком яркий, приходится щуриться. Набираю номер поликлиники. Голос на той стороне провода –

сонный, равнодушный: «Участковый будет после обеда». Бросив телефон, я снова валюсь на подушку. Температура, кажется, ползёт вверх. Ощущение, будто под кожей разливается раскалённый свинец. Нужно что-то делать. Хотя бы выпить жаропонижающее.

По стенке добираюсь до кухни. Вскрываю упаковку таблеток, наливаю в стакан воды из чайника. Глотаю таблетку, запивая с трудом. Вода кажется ледяной, а внутри всё горит. Обратный путь до дивана кажется экспедицией на Эверест. Заваливаюсь на него, натягиваю на себя скомканное одеяло и проваливаюсь в странный, горячечный полусон.

Сны обрывистые, бессвязные. То я опять стою над ней в снегу, а она смотрит на меня не страхом, а насмешкой: «Ну что, спаситель? Сам заболел?» То отец ходит по этой комнате и молча, с отвращением, качает головой. «Не справился даже с банальной простудой. О каком кардиохирурге речь?»

Просыпаюсь резко, от собственного стука зубов об зуб. Озноб бьёт так, что диван скрипит. На часах – уже девять, занятия начались. Температура, наверное, зашкаливает. Беру телефон, пальцы плохо слушаются, с трудом попадаю по буквам. Пишу старосте: «Кать, привет. Слёг с температурой. На паре не буду. Если что срочное – пиши. Пришли, пожалуйста, конспекты». Отправляю. Телефон вываливается из руки на пол. Мне всё равно. Закрываю глаза, пытаясь сосредоточиться просто на дыхании. Вдох-выдох. Вдох-выдох. Кажется, становится легче. Или это галлюцинация.

Следующее пробуждение – от настойчивого, резкого звонка в дверь. Я вздрагиваю, и от этого движения голова готова расколоться пополам. Кто? Мама? Нет, не может быть. Отец? Ещё хуже. С трудом поднимаюсь, накидываю на плечи тот же мятый халат и бреду к двери. В глазах плывёт. Отстёгиваю цепочку, приоткрываю. На пороге – незнакомый мужчина лет пятидесяти, в потрёпанной дубленке и таким же потрёпанным же портфелем. Участковый врач.

– Вольский? – хрипло спрашивает он, даже не представляясь. – Жалобы?

Я пытаюсь что-то сказать, но из горла выходит только хрип. Показываю жестом: заходите. Он входит, брезгливо оглядывает моё жилище – голые стены, заваленный пустыми чашками стол, скомканная постель. Меряет температуру, заглядывает в горло, прослушивает. Всё делает быстро, механически.

– Острая вирусная инфекция. Постельный режим. Пейте больше. Больничный на неделю, продлим, если что, – он выписывает листок, шлёпает печатью и протягивает мне. – Выздоравливайте.

Уходит так же резко, как и появился, оставив после себя запах дешёвого одеколона и холодного воздуха с лестничной клетки.

Я стою посреди комнаты, сжимая в руке листок. Больничный. На неделю. Целую неделю вычёркивается из моего и без того сжатого до предела графика. Неделя без учёбы, без работы в отделении, без возможности увидеть её. Узнать, в порядке ли она после вчерашнего. Стать той самой надёжностью.

Горькая, беспомощная ярость подкатывает к горлу. Я швыряю больничный лист на стол и снова падаю на диван, уткнувшись лицом в подушку. Собрался Нику поддерживать, называется. Хороша поддержка – на диване с температурой. Мамин совет теперь кажется насмешкой судьбы. Какая уж тут тихая гавань. Сам тону.

День превращается в кошмарную череду провалов в тяжёлый, потный сон и мучительных пробуждений. Я встаю только чтобы сходить в туалет или налить очередную кружку чая. Чай – пакетированный, дешёвый, безвкусный. Пью его почти кипятком, пытаясь прогреть изнутри. Таблетки глотаю горстями, уже не особо следя за временем. Голова пустая, мыслей нет. Есть только физическое страдание и чувство полнейшей, унизительной беспомощности. Я ненавижу болеть. Ненавижу эту слабость, эту зависимость от собственного тела.

Иногда, в редкие моменты просветления, я смотрю на телефон. Никаких сообщений. Катя ответила коротким «Поправляйся». Больше ничего. И это… странно режет. Я ведь не

ждал, что она будет писать. Но тишина со стороны всех только подчеркивает моё одиночество здесь. . Я – чужой. Приезжий. На него махнут рукой: заболел и заболел. Только мама звонила дважды, а я соврал, что всё в порядке, просто простуда.

К вечеру температура, кажется, немного спала. Не 39, а 38.2. Сознание проясняется, но на смену жару приходит слабость. Абсолютная, тотальная. Руки дрожат, когда пытаюсь поднести кружку ко рту. В желудке – пустота и лёгкая тошнота. Есть не хочется, но организм требует хоть чего-то. Я вспоминаю, что в холодильнике лежит какая-то колбаса, наверное, уже заветренная. Мысль о ней вызывает отвращение.

И тут – звонок в дверь. Резкий, настойчивый. Не такой, как утром. Я морщусь. Кто ещё? Участковый забыл что-то? Соседи? С трудом поднимаюсь и иду открывать. В голове одна мысль: только бы поскорее отвязались. Приоткрываю дверь. И замираю.

На пороге стоит она. Ника. В спортивном костюме и том самом наспех накинутом коралловом пуховике. В руках у неё пакет, из которого почему-то торчит полотенце. Она смотрит на меня широко раскрытыми глазами, в которых читается и беспокойство, и неловкость, и какая-то решимость.

– Ника? – вырывается у меня хриплый, не свойственный голос. Я не могу поверить, что она пришла.

– Да, это я, – говорю она быстро, словно боясь, что я захлопну дверь. – Мы с мамой узнали, что ты болеешь. Держи суп. И кое-что ещё.

Она протягивает пакет, а я автоматически беру его. Он тяжёлый и… тёплый. Невероятно, живительно тёплый. Теплота проникает сквозь полотенце и обожжённую жаром кожу моих ладоней. Благодарю её. Отстёгиваю цепочку и открываю дверь пошире, чтобы впустить её. Но Ника уже прощается. Правильно. Не хватало ещё и её заразить.

Слышу её шаги по лестнице, а потом хлопок двери этажом выше. Только убедившись, что Ника вернулась домой, несу драгоценный пакет на кухню.

Только тогда я возвращаюсь внутрь, закрываю свою дверь и несу этот драгоценный груз на кухню. Разворачиваю полотенце. Там две банки, источающие аромат куриного бульона. Точно, в одной обычный бульон, а во второй – суп. В контейнере – гренки. И маленькая баночка… малинового варенья.Достаю тарелку, выливаю полбанки бульона и высыпаю половину гренок. Ем потихоньку идеальную еду – не слишком горячую и не пресную. Живительное тепло растекается по телу. Это самый лучший ужин в моей жизни. Самый нужный.

Глаза почему-то начинают предательски щипать. От слабости, наверное. От температуры. А потом до меня доходит. Она пришла. Сама. Принесла еды. Сказала «мы рядом». И убежала. Так ничего и не рассказав. Ни о своих страхах, ни о том, что случилось вчера. Она просто совершила этот тихий, абсолютно искренний жест.

И этот простой, человеческий поступок сметает все мои защитные барьеры, все циничные установки. Я сижу за кухонным столом, пью домашний бульон, и понимаю, что проиграл. Не Владу в том дурацком споре. Самому себе. Своей старой, холодной схеме мира.

Дни болезни стали измеряться в визитах Вероники. Следующим утром перед учёбой она занесла молочную кашу. Серьёзно? Я её сто лет не ел. Вечером, ровно в шесть, словно по напоминанию в телефоне, раздался звонок в дверь. В этот раз Вероника принесла гречневый суп и домашний кисель. И потребовала пустую тару назад. Хорошо, хоть у меня хватило сил вымыть всё. Заходить она отказалась, быстро и деловито поинтересовалась о температуре и убежала домой.

Дни болезни перестали быть чередой мучений. Они стали отмеряться её визитами.

На следующий день она пришла снова, ровно в шесть вечера, как будто поставила себе напоминание в телефоне. Опять с супом, на этот раз – с гречневым, и домашним киселём в маленькой баночке. Она не заходила, просто передавала свёрток на пороге, быстро и деловито

спрашивала о температуре, кивала на мой хриплый ответ и убегала, оставляя на лестничной клетке лёгкий запах зимней улицы и чего-то цветочного – шампуня, что ли.

На третий день температура спала. Осталась слабость, кашель и разбитое состояние. Но дверь Веронике я уже открыл не в состоянии зомби. Она, увидев, что мне полегчало, заметно оживилась.

– Уже лучше? – интересуется Ника.

– Почти человек. Спасибо тебе и маме. Всё было очень вкусно, – благодарю её.

Она улыбается, и это уже не та осторожная, мимолётная улыбка. А настоящая, слегка смущённая, и тёплая.

– Мама сказала, что сегодня можно что-то посытнее. Готовила котлеты с картошкой. И варенье ещё осталось, – она снова протягивает пакет.

– Может, зайдёшь? Холодно же на лестнице, – я не тороплюсь брать пакет, а шире распахиваю дверь.

Мой голос звучит не так уверенно, как хочется. Она заколеблется, но всего секунду, кивает и переступает порог. Мы не говорим ни о чём важном. Ника сидит на краешке кресла, где обычно валяется моя одежда, и смотрит по сторонам с плохо скрываемым любопытством. Я чувствую себя отвратительным хозяином, но пытаюсь шутить:

– Дизайн в стиле «аскетичный студент-ссыльный». Нравится?

– Уборку бы сделать. И проветрить. Воздух тяжёлый, больному вредно, – фыркает она.

Это было сказано так по-хозяйски, что мне стало одновременно смешно и стыдно за свой бардак.

– Вот выздоровею – сразу генеральную устрою, – пообещал я.

Она качает головой, словно не веря, но больше не развивает эту тему. Говорим о том, что было на занятиях, о её работе в отделении. Она рассказывает о маленьких пациентах, и её глаза загораются. Исчезает вся скованность, вся осторожность. В эти минуты она просто увлечённым своим делом человек.

На четвёртый день она приходит не одна. Открываю дверь и вижу их обеих: Нику и её маму, Светлану Афанасьевну. Мать и дочь удивительно похожи. Женщина смотрит на меня оценивающе, но без осуждения.

– Здравствуйте, Никита. Дочка говорит, вы на ноги встаёте. Это хорошо. Но в таких условиях, – её взгляд скользит по запылённым подоконникам и груде грязной посуды в раковине, – можно и рецидив схватить. Мы тут, с вашего позволения, кое-что приберём.

И они входят, не дожидаясь моего согласия. Но это не вторжение, наоборот. Это операция по спасению. Светлана Афанасьевна принесла с собой целый арсенал для уборки и сумку с продуктами. Пока Ника, вытирает пыль и моет посуду, её мама проветривает комнату, меняет постельное бельё. А потом эта женщина начинает творить кулинарные чудеса. Вскоре вся квартира наполняется невероятными запахами тушёного мяса с овощами.

Я сижу, укутанный в одеяло на свежезаправленном диване, и наблюдаю. При этом чувствую себя абсолютно беспомощным и невероятно обласканным. Такого не делала даже моя собственная мама. У неё были домработницы. А тут какое-то искреннее, почти первобытное желание навести порядок и накормить.

– Не стоит так беспокоиться, Светлана Афанасьевна, – смущённо бормочу я, когда она ставит передо мной тарелку с дымящимся рагу. – Я уже почти здоров.

– Почти – не считается, – парирует она, садясь напротив, и указывает на тарелку. – Ешьте, пока горячее. И не думайте, что это такая уж жертва. Моя Ника последние дни только и говорила, что «Никита один, ему плохо, надо помочь». Так что вы, можно сказать, объединяющая сила.

– Мам! – недовольно окликает её из комнаты Ника.

Я смотрю на неё, потом на её мать, и что-то внутри ёкает. Они – команда. Настоящая, сплочённая. И они взяли меня, чужого, в свою команду. Пусть и временно.

Перед тем, как уйти, Светлана Афанасьевна положила мне на стол пачку новых таблеток и строго сказала:

–Не торопитесь на учёбу и работу. Ещё день отлежитесь. Ника принесёт обед. И конспекты, кстати, тоже.

После их ухода в квартире остался не только порядок и запах еды. Осталось ощущение… дома. Того, которого у меня здесь не было никогда.

В субботу я уже чувствовал себя человеком. Слабость отступала, оставался лишь лёгкий кашель. Я даже сделал попытку прибрать за собой после завтрака, но быстро выдохся. И вот, ближе к вечеру, снова звонок. Ника. С папкой в руках и термосом.

– Конспекты, как обещала, – говорит она, передавая папку. – И чай с лимоном. Мама велела.

Я впускаю её. Сегодня уже нет неловкости.

– Садись, – говорю я, разливая чай по кружкам. – Рассказывай, что там без меня творят на парах?

Она начинает рассказывать. О новых темах, о том, что Влад пытался отвечать на вопросы за неё, но облажался. Мы смеёмся. Потом разговор как-то сам собой стихает. За окном темно, в комнате тепло и тихо от её присутствия.

– Спасибо тебе, – говорю я, глядя на свою кружку. – И твоей маме. Вы меня спасли.

Она пожимает плечами, но я вижу, как её щёки слегка розовеют.

– Пустяки. Соседи же.

– Не пустяки, – настаиваю я мягко. – Для меня – нет. Я здесь один.

Она поднимает на меня глаза. В них нет жалости, а есть понимание.

–Я знаю, что это такое. Быть одной в новом месте. Бояться выйти на улицу.

Слова повисли в воздухе. Она говорит это сама. Без моих вопросов. Я не тороплю, просто жду. Она молчит, глядя куда-то в пространство за моим плечом, будто собираясь с мыслями. Потом тихо начинает:

– Тот парень… Те, кого я испугалась. Они напомнили мне одного человека. Его зовут Эмин, – она произносит это имя, и по её лицу пробегает лёгкая судорога. – Мы учились вместе в Питере. Сначала он просто был одногруппником. Потом он решил, что я должна быть его. Просто потому, что он так захотел. Начал преследовать. Подарки, которые нельзя было отказаться принять. Дежурства у подъезда. Потом он попытался силой увезти меня знакомиться с родителями. Это было ужасно. Я сбежала от него буквально, в чём была. Мама тогда приняла решение – мы уехали. Сменили город, университет, всё. И он мне до сих пор иногда чудится. В каждой похожей машине, в каждом высоком смуглом мужчине. Это глупо, я знаю. Но я не могу контролировать этот страх. Он сидит где-то глубоко.

Она говорит ровно, без надрыва, но каждое слово – выстрадано. Я слушаю, и во мне кипит холодная, беспомощная ярость. Не на неё. На того ублюдка, который довёл умную, сильную девушку до такого состояния.

– Это не глупо, – тихо, но очень чётко говорю я, когда она замолкает. – Это травма. И с ней нужно работать. Но ты – молодец. Ты выбралась. Ты здесь. И ты учишься, работаешь, помогаешь заболевшим соседям.

Она смотри на меня, и в её глазах я вижу что-то новое – недоверие, смешанное с робкой надеждой, что её действительно поняли.

– А ты? – спрашивает она вдруг. – Почему ты здесь? Из такого города, из такой семьи…

– А я здесь в качестве воспитательной меры. Наказание от отца. Я, по его мнению, – нереально талантливый фантастический раздолбай. Дрался, пил, врезался на машине… забыл о важной операции, которую сам же выпросил. Он посчитал, что мне нужна «ссылка». Год в

провинции, без денег, без связей, в съёмной однушке. Выживу, исправлюсь – буду кардиохирургом. Нет – поеду участковым в деревню, – усмехаюсь я.

Я рассказываю ей всё. Про Инессу, из-за свадьбы которой я тогда напился. Про вечный конфликт с отцом. Про своё чудовищное высокомерие и неумение ценить то, что имел. Она слушает, не перебивая. И когда я заканчиваю, она выдает странное умозаключение:

– Знаешь, а вы с отцо очень похожи.

– В каком смысле? Он – гений, я – раздолбай, – замираю я.

– Нет, – качает головой Ника. – Вы оба – максималисты. Он хочет от тебя сразу идеального результата. Ты от жизни – сразу всего и легко. Вы не умеете давать слабину. И вы оба одиноки в этом своём перфекционизме. Он – на вершине, ты – внизу, но вы оба одни.

Её слова попадают в самую точку с пугающей точностью. Я никогда не думал об отце как об одиноком. Он был Вольским. Иконой. А она увидела человека.

– Может, и так, – бормочу я. – Но его метод жёсткие.

– Но и действенные же? – она улыбается уголком губ. – Ты же изменился. Хотя бы немного.

Я смотрю на неё. На эту хрупкую девушку с железной волей, которая только что поделилась со мной своей самой страшной тайной, а теперь анализировала мои отношения с отцом с проницательностью психотерапевта. И понимаю, что мама была права. Это не игра. Это уже не может быть игрой.

– Да, – тихо соглашаюсь я. – Изменился. Во многом – благодаря тебе.

7

Обычное снежное декабрьское утро. Стою у своей «Лады» и наблюдаю, как снежинки падают на лобовое стекло. Не спешу их смахивать. Жду, когда выйдет она. Вернее, они. С того дня, как я оправился после болезни, прошла неделя. Неделя, за которую в моей жизни появился безумно приятный ритуал. И теперь я с нетерпением жду семь тридцать утра и девятнадцать ноль-ноль вечера.

Дверь подъезда открывается, и я выпрямляюсь. Сначала появляется Светлана Афанасьевна в тёмном пальто. За ней – Ника, в том самом коралловом пуховике, который я теперь невольно высматриваю повсюду.

– Светлана Афанасьевна, Вероника, доброе утро! – делаю шаг им навстречу.

Ника поднимает на меня голубые, ещё сонные глаза. Голубые, ещё сонные. Сердце в груди замирает. Как всегда.

– Доброе, Никита, – говорит её мать с лёгкой улыбкой. – Опять нас балуешь?

Я открываю заднюю дверь машины.

– Не балую. Всё логично. Погода отвратительная, – я киваю на хлопья мокрого снега, – а я всё равно еду в больницу. Так что мне совершенно не сложно побыть вашим персональным такси.

Я стараюсь говорить как обычно. Просто констатация факта. Но внутри всё иначе. Полчаса утром. И полчаса вечером. Итого: час. Час, когда она в безопасности в моей машине. Когда я могу украдкой наблюдать за ней в зеркало. Как она смотрит в окно, как поправляет прядь волос, как что-то говорит матери тихим голосом. Этот час – лучшая часть моего дня. Это диагноз, Вольский. Самый настоящий диагноз.

Ника молча садится на переднее пассажирское сиденье. У неё отвращение к задним сиденьям машин. От неё пахнет чем-то свежим. И этот запах для меня как наркотик.

– Сегодня холодно, – говорит Ника.

– Сейчас согреемся, – я завожу двигатель и киваю на стаканчики из кофейни. – Держите кофе.

– Ты уже наш личный водитель и бариста в одном лице, – слышу я голос Светланы Афанасьевны с заднего сиденья. В нём нет иронии, только тёплая благодарность.

Я улыбаюсь, выезжая со двора. Машина мягко катится по заснеженной дороге. Тишина в салоне – но не неловкая, как в первые дни, а спокойная. Ловлю себя на том, что стал водить осторожнее. Раньше я обгонял, выжимал из машины всё. Теперь же я вожу так, словно перевожу хрусталь. Хрупкий, бесценный хрусталь.

Через пять минут Ника достаёт телефон и что-то пишет. На её губах играет улыбка.

– Что смешного? – не удерживаюсь.

– Вовка, – она показывает мне экран. – Пишет, что сегодня опоздает на пару, потому что его кот скинул куда-то ключи. Отодвигает шкафы и наводит порядок в прихожей.

Я смеюсь. Искренне. Раньше на такие истории даже не обращал внимания. Теперь же ловлю каждое её слово.

– Гениальное животное. Мне такого надо.

– Чтобы тоже на работу опаздывать? – она поворачивается ко мне, и её взгляд встречается с моим в зеркале.

На секунду время замирает. Её глаза – не просто голубые. Они с утра серо-голубые, как это зимнее небо за окном. А когда она смеётся или злится – в них появляются бирюзовые искры. Я это заметил. В последнее время замечаю слишком много того, что касается Ники.

– Я и так практически никогда не опаздываю, – отвечаю я, глядя на дорогу. – Дисциплина, знаешь ли. Воспитательная мера. А вот такой кот, после выходок которого надо порядок наводить, мне нужен.

Она тихо фыркает. Боже. Я веду себя как подросток. Мне двадцать три, я без пяти минут врач, а от одного её фырканья у меня мурашки. Остаток пути проходим в молчании. Но это то молчание, которое не давит, а обволакивает. Когда мы подъезжаем к больничному городку, Светлана Афанасьевна говорит:

– Спасибо, Никита. Ты нас очень выручаешь.

– Не стоит благодарности. Увидимся вечером.

Она идёт к своему корпусу, а мы с Никой – к своему. Идём молча. У нас много времени для разговоров. И перемены, и обеды перед работой. И дорога домой.

Вечером, вернувшись в свою пустую квартиру, я чувствую странное спокойствие. Раньше эти стены давили на меня, напоминая о ссылке, о наказании. Теперь же всё изменилось. Благодаря ей.

Телефон вибрирует. Снова забыл включить звук. Отец. Я смотрю на экран секунд десять, прежде чем ответить. Раньше я бы либо проигнорировал, либо взял трубку с готовностью к бою. Сейчас же я просто делаю глубокий вдох и нажимаю «Ответить».

– Алло, пап. Привет!

– Никита, здравствуй! – его голос, как всегда, без эмоций, чёткий. – Ты занят?

– Нет. Только с работы вернулся.

– Хорошо. Есть минут пять?

– Есть.

Я сажусь на диван, приготовившись к обычному допросу: как учёба, как поведение, не сорвался ли. Но сегодня у нас совершенно другой разговор.

– Расскажи, чем сейчас занимаешься в больнице. Конкретно.

Я моргаю. Это не обычный вопрос. Раньше он спрашивал «как дела», получал односложный ответ и вешал трубку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.